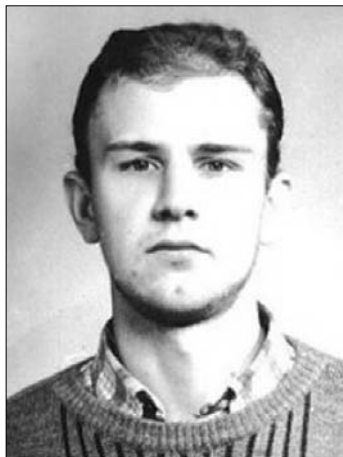

ОЛЕГ КУЛАГИН

ГЛАВНЫЙ ОБРЯД

ПОВЕСТЬ

*Рубиновые части солнца зари
Рубят злые страсти, сжигают внутри.
Прыгай выше неба, брат и сестра!
Золотые искры — брызги костра...*
Песня группы “Ляпис Трубецкой”

1

Весна на юге давно готова была превратиться в лето — особенно здесь, у моря. Даже в утренний час на платформе было душновато, яркое солнце горело в прозрачном небе. Выходя из вагона, Хлуст торопливо сорвал с себя кепи. Нервно приглаживая короткий ёжик волос, осмотрелся по сторонам. Почти четыре месяца его здесь не было, и словно смерч прошёл над Украиной за это время, неузнаваемо искажая страну и людей. А главный одесский вокзал остался прежним — мирным, дремотно-расслабленным, южным.

— Сегодня будет прекрасный денёк! — Это весёлый Ворон говорил толпившимся вокруг хлопцам из первой сотни.

И Хлуст, несмотря на волнение, улыбнулся тоже.

Да, погодка что надо — ещё нет реальной жары, не так пыльно на старых улицах. И ароматы свежей зелени смешиваются с тёплым морским бризом. Кажется, даже здесь можно его уловить, хотя между морем и вокзалом

КУЛАГИН Олег Павлович — известный украинский прозаик в жанре фантастики и фэнтези. Физик по образованию. Первоначальную известность приобрёл как сетевой автор. Публикуется с 2001 года. В “Нашем современнике” печатается впервые. Живёт на Украине, точное место проживания, по известным причинам, не называется.

лежат прибрежные скверы, Французский бульвар с оживлёнными кварталами и площадь Куликово поле.

Хлуст вздохнул. Угу, площадь... Это раньше здесь было просто место для прогулок — удобное для встреч с друзьями и назначенных свиданий. А сейчас... Он закрыл глаза. И на целое мгновение всё плохое исчезло. Остались лишь светлые воспоминания — из той, довоенной жизни. Будто он опять вернулся на праздники из киевского университета — и впереди только безмятежные выходные, улыбки родных и друзей. Под ясным весенним небом, когда жизнь кажется вечной, словно морская синева до горизонта.

Как давно это было — словно тысячу лет назад...

Хлопцы весело заржали. И он открыл глаза. Несколько местных девчонок в тонких, совсем летних платьях испуганно проскочили мимо толпы побратимов, торопясь к прекрасному, как белоснежный дворец, зданию вокзала.

Хлуст растерянно моргнул, провожая девушек взглядом, — им-то чего бояться? Это “колорады” пусть дрожат! Разве оккупанты-захватчики приехали в город у моря? Нет, свои ребята — крепкие, здоровые, смелые — гордость нации!

— А що, добрэ мисто? — усмехнулся Довбэнь, от расправивших чувств хлопая себя по бокам — там, где под вылинявшей защитной курткой были спрятаны нож и пистолет.

— Добрэ, — сухо кивнул Хлуст. И вместе с побратимами он должен сделать его ещё лучше. Пусть большинство из них впервые в жизни видят Одессу, пусть всё тут для них в диковинку, но разве это не Украина, разве не здесь славно погулять хлопцам с жёлто-голубыми и красно-чёрными лентами? 2 мая — хорошая дата, чтоб вернуться в родной город.

Хлуст стиснул зубы. Раньше он любил сюда возвращаться. Даже сейчас эти улицы и площади — как часть его самого, со всеми дурацкими местными причудами, с обшарпанными, но уютными домами, со старой шелковицей в его родном дворе... И плевать, что огромные толпы местных митингуют под флагами оккупантов. Одессу он им не отдаст!

Хлуст торопливо натянул зеленоватую кепку. Ворон скомандовал, и чеканным шагом они двинулись вдоль платформы к зданию вокзала — не хаотичной толпой, а как было оговорено — боевыми звеньями по 10–15 человек. У каждого звена — конкретная задача, пункт назначения и один проводник из немногочисленных местных активистов Движения.

Обычные одесситы испуганно расступались в стороны. “Им-то чего переживать?” — опять раздосадованно подумал Хлуст. А люди у билетных касс недоумённо оглядывались на крепких гостей города. И милиционеры, дежурившие в здании, торопливо отворачивались, будто старались ничего не заметить. Хлуст, шагавший во главе своего звена, презрительно махнул рукой милицейскому сержанту. Никто не встал на их пути — значит, они почти победили. И только у края привокзальной площади маленький тщедушный старичок на скамейке в сквере осмелился спросить:

— Кто вы, хлопцы?

— А сам не видишь? — подмигнул Ворон. — Футбольные болельщики! Сегодня будет интересный матч, Одесса надолго его запомнит!

Побратимы опять заржали — и на аллее впереди вдруг стало пусто. Даже женщина с маленьким ребёнком и неподъёмно-тяжёлой сумкой вдруг резко вскочила со скамейки и почти бегом заторопилась куда-то в сторону. Ребёнок отчаянно заплакал. “Ничего, — постарался себя успокоить Хлуст, — Нормальная реакция гражданских на спаянное боевое подразделение — глупо мешаться у него под ногами”. Всё идёт, как надо. Хлуст давно ждал этого дня. Скоро он перестанет быть чужаком на с детства знакомых улицах. Сегодня он вернулся, чтоб вернуть себе город. Да, местные пока шарахаются от шевронов с “волчьим криком” — как на рукаве у него и у многих командиров звеньев. Ничего, привыкнут со временем! Поймут, что с этим древним знаком в Одессу пришёл мир. Не фальшивый “русский” под флагами оккупантов, который сейчас придётся выкорчёвывать бомбами и снарядами на Донбассе, а правильный — “украинский”. Когда нет опасности, что москаль

украдёт твою землю, что всё достанется кучке олигархов, когда сама нация железной рукой будет вершить свою историю, и козацкая свобода станет такой же реальной, как победившая в Киеве народная революция. Ради такой стоит набить несколько “сепарских” морд!

Хлуст верил, что этим всё ограничится. И день начинался почти так, как он мечтал ещё месяца назад, обдумывая своё возвращение. Разве что улицы казались бесплодными — так, словно они вымирали на пути колонны. И странным, звенящим эхом отдавались шаги — будто от дыхания побратимов сам прозрачный воздух густел, наливаясь тяжестью.

Дождь, что ли, собирается? Хлуст поднял глаза в небо и вздрогнул. Чёрные птицы кружили над колонной в воздухе. Ни одной привычной для приморского города серовато-белой чайки — только тёмное вороньё. И пока хлопцы шли, чеканя шаг, чёрные птицы не отставали, словно они единственные, кто был рад приезду гостей...

Ерунда! Что за идиотские мысли? Мало ли всякой дряни слетается на городские помойки. А народу не видно потому, что второй праздничный день — большая часть местных ещё с прошлого вечера где-то за городом, на даче или на шашлыках. Вполне подходящий момент, чтоб раз и навсегда доказать, кому принадлежит Одесса!

Солнце всё выше вставало в прозрачном небе — пусть не чёрное, как на флагах национальных батальонов, зато древнее, как мир, как знамение вечной, неумолимой воли. И колонна шагала с Хлустом во главе, будто живое воплощение нового порядка. В эти минуты он ясно чувствовал себя его частью. Не бессловесным винтиком, рабом, как было принято в “совке”, а одним из вожаков, приведших могучую силу в родной город.

Там, у него за спиной, незримо шагала Небесная Сотня. Простреленные, опалённые хлопцы с пустыми чёрными глазницами, с раскрытыми ранами, с проломленными головами, откуда ещё сочилась кровь. Они не простят слабости, не знают иного пути. И тянут свои полупрозрачные пальцы к зеленеющим каштанам, к приоткрытым, сверкающим на солнце окнам, к ярким витринам магазинов, будто беззвучно упрекая. Умершие за Украину вздрагивают, распахивая почерневшие рты. И немой крик разлетается над городом у моря. Мёртвые требуют от живых.

Украина превыше всего! Павшая сотня не простит предательства!

И Хлуст будет её достоин, как и побратимы, печатающие шаг за его спиной. Они сейчас улыбаются... И пусть могильным холодом веет от усмешки Довбня, пусть злая радость блестит в глазах, но героям, восставшим из древних легенд, положено быть сильными и безжалостными. Ведь больше не осталось сомнений, победным маршем играет у кого-то в мобиле упругая, как мячик, мелодия:

*Воины света, воины добра
Охраняют лето, бьются до утра.*

Хлуст знает, что, почти в такт этой песне, отряды Движения сейчас чеканят шаг по брусчатке и по асфальту, по грязным улочкам и по нарядным площадям, занимая все ключевые позиции в городе и на всех выездных дорогах. Большинство — в “гражданке”, без опознавательных знаков, и давно ждали здесь, в городе — без лишнего шума прибыли в течение недели на автобусах. Цветные жёлто-голубые и красно-чёрные ленты пока лежат в карманах — до часа “Х”.

Но это ненадолго.

Как и оружию, гранатам, заранее приготовленной смеси для “коктейлей” — всему своё время.

Одесса будет украинской!

*Бей, барабан — нам, нам.
Баррикады, друзья, шум, гам!*

Звено Хлуста двигалось к стадиону “Черноморец” — туда, где уже толпились футбольные “ультрасы”. Раньше — буйные и бестолковые, но за последний год, благодаря инструкторам из Движения, превратившиеся в организованные отряды. В сущности, “ультрасов” было немного — пара тысяч на всю Украину, и по отдельности местные “ватники” беспощадно их били и в Харькове, и в Одессе, и в Донецке. В каждом из этих “колорадских” городов они считались маргиналами. Зато собранные вместе, в единый кулак, они стали силой, способной на многое.

В конце апреля в Харькове они уже себя показали — проломил десятков голов, кого-то порезали, кого-то искалечили, в общем, пронеслись по “ватному” городу, как жёлто-голубой шквал. Правда, там в последний момент вмешалась местные менты. Но в Одессе с этим проблем не будет. Назначенный Киевом губернатор позаботился. Основная часть боеспособных отрядов милиции стянута к стадиону на матч “Черноморец” — “Металлист”. До начала матча ещё более шести часов, а менты уже здесь, стоят и скучают в сторонке, покрываясь испариной под бронежилетами и шлемами — похожие на нелепых, безвольных кукол в чужих, умелых руках.

Значит, остальной город брошен без прикрытия. Ворон предсказал это ещё накануне, собирая на совещание командиров звеньев — то есть, всё заранее продумано. Слишком многое сейчас на кону. У Движения больше нет права на ошибку, как это случилось в Донецке и Луганске!

Наставник был краток, но его хриплый, будто каркающий голос намертво отпечатался в мозгу: “Запомните, хлопцы: мы несём очищение — яркое и прекрасное... Как солнце, как огонь! Ни одна нация без такого не устоит, в любой священной книге написано, что это самый важный обряд”.

Очищение! Уже завтра город будет другим. А теперь, когда звено прибыло в пункт сбора, у Хлуста есть несколько часов — до начала “Марша единства Украины” — сперва заехать в несколько коммерческих офисов, давно превращённых в опорные пункты Движения, и передать кой-какие бумаги. А потом... Потом его ждёт главное. Пусть и не имеющее отношение к национальной борьбе.

Он успеет. Наставник ему разрешил — только всё равно надо торопиться. Пока ещё тихо, но вдруг “колорады” очнутся и опять что-то “замутят”? Хлуст снял кепи, стащил куртку с шевроном и отдал товарищам — ходить по Одессе в одиночку с “волчьим крюком” на рукаве пока рановато, лишнее внимание к себе — только во вред. Пистолет и нож он переложил в удобную сумку на ремне через плечо — вид в результате получился вполне гражданский — и почти бегом бросился через окружавший стадион парк к ближайшей автобусной остановке на Аллее Славы.

Успел он удачно и, уже садясь в двести третью маршрутку, не выдержал — оглянулся в сторону стадиона. Сердце ёкнуло. Чёрные птицы всё так же кружились над толпой “ультрасов” и звеном его побратимов. Хлусту дико захотелось вернуться и пальнуть из пистолета в клубящуюся над стадионом чёрную стаю. Но времени уже не было — поэтому он просто залез в маршрутку. Сел у окна и вдруг заметил, как одна из птиц отделилась от стаи, полетела напрямик к автобусной остановке.

Маршрутка тронулась. Но проклятая чёрная птица ещё целую минуту не отставала — снизилась и летела почти вровень с окном, будто хотела рассмотреть кого-то внутри... Чувствуя холодок по спине, Хлуст закрыл глаза. Он сидел так несколько минут, пока маршрутка подпрыгивала на выбоинах в асфальте. Он гнал от себя дурацкие мысли, только сердце билось неровно, и бессмысленная тревога не уходила.

А что, если “колорады” не разбегутся, бросая вожakov? Если они осмелятся встать на пути у силищи, собранной со всей Украины? Это глупо, но вдруг?

На мгновение безотчётная жуть сковала сердце — будто тёмная бездна распахнулась где-то рядом. Хлуст вздрогнул и открыл глаза, опять ожидая увидеть какие-то зловещие знаки. Но лишь пронизанные солнцем аллеи пролетали за стеклом. Врывался через открытое окно аромат цветущих яблонь. И деревья казались настолько нарядными, по-весеннему свежими, что он

опять расслабился. К чёрту сомнения! Разве может плохое случиться в такой день — здесь, в безмятежном городе у моря?

2

Упругая мелодия летела в наушниках. Пронизанные солнцем одесские улицы быстро плыли за стеклом маршрутки. Только тревога не уходила — невидимым, тёмным облаком висела где-то рядом, над самой головой, как готовый обрушиться потолок. Гнетущее чувство казалось таким ясным, словно при наркотическом отходняке.

Уф-ф... А ведь он больше месяца не принимал “колёс”. Хлуст тронул лежавший в кармане телефон. Ему захотелось позвонить матери, лишний раз убедиться, что родители по-прежнему на даче, в тридцати километрах от Одессы, и раньше четвёртого мая не вернутся.

Нет! Глупо переживать. Он и так звонил им из поезда — меньше двух часов назад. Да и родители его, хоть упёртые совки, не настолько наивные, чтоб сорваться в город при первом же кличе “ватных” вожаков. Сейчас уже не март, расклады совсем иные. Сейчас и упёртые должны понять, что никакой “Беркут” не защитит сборище неудачников и пенсионеров — Запад сказал своё слово, даже донецкие олигархи приняли сторону Майдана. Сама государственная машина медленно, но верно переходит под контроль Движения. Хлуст глянул за окно, случайно заметил георгиевскую ленточку, повязанную на дереве. И усмехнулся почти беззлобно, показалось, что лента беспомощно дрожит на ветру... Да, так и есть! Он понял это ещё неделю назад. И порой, вламываясь в очередную квартиру, разнося вдребезги стекло и мебель, волоча по лестнице в кровь избитого “сепаратиста”, ловил себя на странном чувстве.

Жалость? Да, почти так. Странная жалость среди боли и ненависти... Идиоты! На что они рассчитывали, собираясь на площадях, цепляя ненавистные “колорадские” ленты, записываясь в рождающиеся каждый день “союзы” и “отряды”? Неужели надеялись за несколько месяцев пробежать тот путь, которым Движение шло последние пятнадцать лет? Без тайных структур, без спецлагерей для подготовки бойцов, без щедрого финансирования от спонсоров, в конце концов! С одной лишь рабской любовью к “рашке” и “совку”?

Активистов в “ватных” организациях, наспех, за считанные недели, выросших, было много. Но все они легко вычислялись. И, в сущности, не слишком прятались — большинство даже не скрывало лиц. Неужели реально думали, что поддержка толпы чего-то стоит? Всерьёз верили, что их бессмысленная, как кресты на церквях, никому не нужная “правда” способна победить? Или, может, рассчитывали на поддержку Кремля? Её не будет.

После визита швейцарского гостя Совет Федерации отозвал разрешение на ввод войск. Запад держит москальских олигархов не за яйца, а ещё надёжнее — за кошелёк! Все их счета, дворцы и родня — именно там, под железным колпаком у реальных хозяев мира. Ворон точно сказал: “Совки верят в справедливость. Православные идиоты молятся. Но единственная справедливость на земле — это сила. И настоящий бог — он с нами, хлопцы, потому, что он всегда на стороне сильных!” У “ватников” нет шансов. Значит, скоро вся эта комедия завершится — и здесь, и на Донбассе!

От этой мысли на душе стало легко. Хлуст выключил музыку на телефоне и целую минуту следил за проносившимися за окном яркими красками майской Одессы. Сейчас даже привычные рекламные плакаты смотрелись нарядным украшением города, а обсыпанные соцветиями каштаны на бульварах были похожи на дорогие, вычурные букеты.

Белые цветы на ветвях издали казались язычками пламени, тянувшимися к небу, неугасимыми на ветру. Хлуст подумал, что скоро они везде расцветут по городу, словно тысячи белых свечей зажгутся по всей Одессе. Свечи над городом... Наверное, это знак, что скоро всё пройдёт? И ничего уже не будет — ни суеты, ни боли, ни страха. Только чистое небо над головой, только море, вечно несущее волны...

Может, когда жизнь на Украине войдёт в колею, родители, наконец, поймут, что он с самого начала был прав? Да, это слабость, но как бы ни хотелось ему вырасти в идеального бойца Движения — без ненужных сомнений, без химер совести и фальшивой веры, — Хлуст всегда мечтал, что сможет вернуться домой. И дома его опять примут как родного, как своего.

Может, этот день совсем близко? Ведь не зря позавчера Катя, наконец, ответила на его звонок! Почти две недели он даже не пытался её набирать. А тут без особой надежды коснулся на экране смартфона её имени. И спустя считанные гудки услышал в динамике:

— Здравствуй, Алёша!

Всего пара слов, а звучит, как небесная мелодия. Несколько секунд Хлуст просто растерянно улыбался. Раньше он столько раз обдумывал этот разговор, но все логичные, красивые фразы вдруг вылетели из головы. И всё, что он сейчас сумел, — выпалить банальное:

— Катя, я так рад тебя слышать!

— Я тоже, — ответила она после секундной паузы.

— Нам надо встретиться.

— Зачем? — что-то безнадежное было в её голосе.

— Мне о многом надо тебе сказать.

— Разве слова что-то изменят?

— К чему менять? Разве мы стали другими?

Тишина воцарилась в трубке — настолько долгая, что Хлуст подумал: связь оборвалась. Наверное, это длилось лишь пять секунд, но ему они показались вечностью. И голос в трубке прозвенел, как приговор:

— Да, ты стал другим, Алёша.

— Неправда!

— А что хуже всего — сам этого не понимаешь...

— Я тот, что и раньше! Твой юнга, помнишь? Море и небо, солнце и звёзды — всё вместе с тобой... И больше я не хочу, чтоб ты ждала на берегу, — ни дня, ни минуты, понимаешь?

— Какие слова! Думаешь, сойдёт для влюблённой дурочки?

— Это не слова! Если плыть дальше — только вместе. В завтрашний день — как на белом корабле...

— Знаешь, а я не хочу такого завтра.

— Ты ведь говорила — тебе без разницы, главное, чтобы вместе....

— Да, говорила. Но я ошиблась.

— К чертям всё! Какая бы хрень ни творилась в стране, я буду тебя любить, слышишь? Вопреки идиотам под любыми знамёнами!

Молчание стало ответом. Хлуст сжимал телефон дрожащими пальцами. Неужели она ему не верит, не чувствует, что он говорит правду? Удары сердца снова отсчитали бесконечность, когда из трубки послышалось:

— А под каким знаменем идёшь ты?

Такой лёгкий вопрос, что Хлуст едва не захлебнулся от радостной уверенности, горячо, сбивчиво затараторил:

— Мы идём ради будущего — настоящего, правильного для Украины, для всех... Без гнёта империй, без лжи, подлости и обмана! Где зло будет покарано, где кончится безнадега! И только честный труженик станет хозяином судьбы...

— Ты считаешь себя таким хозяином? — Кажется, Катя невесело усмехнулась.

— Я часть силы, которая поднялась на бой, — ответил он серьёзно.

— На бой с кем?

— Со злом!

Пару секунд она молчала и, наконец, спросила:

— А если ты поймёшь, что зло шагает рядом, под твоим собственным знаменем?

— Тогда я остановлюсь, — качнул головой Хлуст, так решительно, словно Катя могла его видеть.

— Не думаешь, что будет поздно?

— Без разницы! Не считай нас безмозглыми марионетками. Украина — земля свободных!

— Опять набор лозунгов... Осталась у тебя хоть пара своих мыслей?

— Неужели ты меня не слышишь? Я человек, а не лист на ветру, и я сам выбираю путь.

— А если нет?

— Тогда я первый вцеплюсь в глотку тому, кто вздумает нас обманывать! — горячо выпалил Хлуст. Несколько секунд ждал ответа, но в трубке было молчание. И, вздрагивая от этой тишины, он хрипло добавил: — Поверь, если что, я смогу вовремя остановиться... Я никогда не предаю тебя, Катя!

Он так надеялся услышать её голос, что каждый шорох в динамике телефона сейчас чудился её дыханием. Секунды безмолвия опять вырастали в вечность. Но он был готов ждать и дольше.

— Знаешь, — тихо сказал Хлуст. — А я до сих пор ношу браслет... Один из тех, что мы вместе покупали на Майдане. — Он задрал рукав куртки и коснулся серебристой проволоки, изогнутой вокруг запястья буквами LOVE. — Хлопцы смеются, но мне плевать. Ведь когда смотрю на него, вспоминаю, что второй такой же где-то у тебя. И ты была права, это лучше, чем обручальные кольца. Крепче, чем любые клятвы. Каждый раз, когда я чувствую его на запястье, — словно касаюсь твоей руки...

— Я тоже, — тихо ответила Катя.

На целых полминуты они замолчали. Только это была уже другая тишина. Ведь сейчас они молчали вместе.

— Ты вернёшься, Алёша? — вдруг с тоской спросила она.

И он ответил почти весело, будто не прошли эти долгие, муторные месяцы:

— Однажды утром ты заметишь вдали силуэты. Совсем крохотные... Но они будут расти. Сперва ты увидишь белые паруса, потом рассмотришь корабли — прекрасные и сверкающие на солнце. И под самым огромным, белоснежным парусом, на самом прекрасном корабле я к тебе вернусь...

— Звучит глупо, но хочется верить.

— А ты родишь мне троих детей?

— Троих?

— Не меньше!

Она вздохнула и, кажется, улыбнулась — почти, как в мирном прошедшем августе, когда они вместе стояли на берегу:

— Главное, не затягивай, пока я не передумала.

В груди радостно ёкнуло. И надо было сказать ещё что-то важное. Но мысли пугались. И вместо ответа, Хлуст прошептал в трубку:

— Знаешь, над нами всегда будет небо...

А Катя закончила строчку:

— ...Когда ты во сне летаешь, не верить в крылья нелепо.

Даже сейчас, два дня спустя, он ясно слышал её голос. И так отчётливо представлял её улыбку, что казалось — время отхлынуло назад, как тёплая морская волна. словно ничего не было — ни покрывок на Майдане, ни пылающего в огне “Беркута”, ни муторных харьковских ночей. Лишь сияющая бирюза до самого горизонта и девичья рука в его ладони. Ветер, целующий её тёмные пряди. И глаза, в которых хотелось раствориться...

Сегодня Хлуст не заставит её ждать. И сердце выстукивает, будто радист, отправляющий шифровку из вражеского тыла: “Я снова в родном городе. Я уже иду к тебе, Катя! И все “сепары” Одессы, все убогие ублюдки с “колорадскими” лентами больше не смогут нас разлучить...”

Он позвонил ей ещё из поезда. Они договорились — ровно в два, в сквере на набережной, на их старом месте.

— Мне так много надо тебе сказать!

— Мне тоже, Алёша. Только, думаю, это будет трудный разговор...

— А мне пофиг: уркаганов бояться — Пересыпью не гулять!

Она засмеялась — совсем как раньше, и Хлуст счастливо закрыл глаза, вслушиваясь, будто волшебные колокольчики играли для него в динамике смартфона.

— Больше я никуда без тебя не уйду... Слышишь?

— Сперва тебе придётся выбрать путь, мой юнга — и компас тут не может.

— А это легко, — улыбнулся Хлуст, — Просто буду идти туда, где найду твой след!

Ещё целую минуту после того, как они попрощались, он блаженно улыбался. Так что побратимы начали откровенно над ним прикалываться:

— А шо, Олэкса, така гарна дивчына, шо навить через мобилу можна спийматы кайф? Не подильшыся номерком?

— Идите к чёрту, бандеры! — весело огрызнулся он. И хлопцы вокруг дружно захохотали, даже угрюмый Довбэнь перестал чистить нож и радостно оскалится. В сущности, они завидовали Хлусту. Но разве можно их за это упрекнуть? Разве он сам себе не завидует сейчас, вспоминая голос Кати? Братство Движения — особое братство. Это могучая сила, без колебаний и рассуждений исполняющая любой приказ. Но теперь... После того как он выполнил поручения Наставника, можно опять на пару часов обернуться просто Алексеем Хлустовым, готовым всю Одессу превратить в большой праздник у моря, в бесценный подарок для своей девушки.

К чёртям тревоги! Всё должно быть прекрасно, как и задумано. Времени ещё вагон. Можно выйти из маршрутки раньше на целую остановку, чтоб выпить апельсинового сока в дешёвом уличном кафе, пройти к цветочному магазину, купить букет самых красивых и дорогих роз. И пока есть время, идти вдоль моря, вдыхая свежий бриз. Ничто не испортит этот майский день. Даже если дождь хлынет из вон тех наползающих облаков, разве это помешает Хлусту увидеть и обнять Катю? Разве уже не чудятся ему в глазах незнакомых девушек радостные отсветы этой встречи?

Хлуст улыбается, оглядываясь на блондинку в полупрозрачной кофточке. Тоже, наверное, спешит на свидание? Только почему у неё такое испуганное лицо? Он успевает удивиться, а в следующий миг вздрагивает от женского крика из ближайшей подворотни:

— Помогите!

Что за хрень? Хлуст цепенеет на секунду. Но редкие прохожие боязливо спешат мимо. И он делает шаг под тёмный кирпичный свод. Там, по ту сторону тьмы, в залитом солнцем дворе три широкоплечих фигуры надвигаются на щуплого паренька и девушку, прячущуюся за его спиной. На белой футболке паренька — свежий разрез. И красновато блестит узкое лезвие ножа в руках у одного из атакующей троицы.

— Ну, что, дашь нам попробовать свою подругу? — смеётся самый высокий, в джинсовых шортах до колен и камуфляжной куртке. — Обещаю, мы сделаем ей приятно!

Всё слишком банально — как в “трэшевом” кино. Только почему среди бела дня — в таком безопасном и родном городе? Это уже вообще наглость!

— Оставьте их, уроды! — негромко, но внятно говорит Хлуст. Дорогой букет роз, завернутый в прозрачную плёнку, аккуратно ложится на асфальт. А правая рука быстро нащупывает в сумке ребристую рукоять. Самый высокий удивлённо оборачивается. Он не старше Хлуста, зато на целую голову выше, заметно шире в плечах и держит в руках бейсбольную биту. Но это не главное... Главное, что Хлуст замечает жёлто-голубую ленту, приколотую у того на кармане потёртой натовской куртки.

Долю секунды они смотрят друг на друга. Кажется, высокий улавливает растерянность в глазах Хлуста и пренебрежительно сплёвывает:

— Вали отсюда, опарыш, пока дяди добрые!

Остальные тоже оглядываются с ухмылками. И на рукаве кофты у мордатого крепыша обнаруживается ещё одна жёлто-голубая лента:

— Ну, шо застыл, колорад?

— Может, придать ему ускорение? — щурится третий, угрожающе надвигаясь.

— Руки за голову! — хрипло командует Хлуст, выдёргивая из сумки новенький “глок”.

Вся троица оплывает лицом. Улыбки превращаются в растерянные гримасы. Нож куда-то исчезает. И, выронив бейсбольную биты, высокий неожиданно миролюбиво бормочет:

— Непонятка вышла, извини, хлопец. Уже уходим!

— Катитесь до дому, рагули!

С поднятыми руками они медленно пятятся в сторону. А Хлуст бросается к раненому, медленно оседающему на землю, — по белой футболке у того всё сильнее расплзается красное пятно. Самое худшее — если внутреннее кровотечение, но если просто глубокий порез, то пригодятся упаковка ваты и медицинский пластырь из сумки Хлуста...

Тут он делает ошибку — на мгновение упускает высокого из виду. И в следующий миг выбитый из руки пистолет летит на асфальт. Второй удар едва не сбивает Хлуста с ног, от ещё одного удаётся увернуться, но мордатый бросается слева, и в воздухе опять мелькает нож. Гулкий хлопок вдруг останавливает эту смертельную акробатику.

Мордатый орёт от боли — в его штанине дымится дырка. А выпавший “глок” обнаруживается в руках девушки. Плечи у неё заметно дрожат, но с такого расстояния трудно промазать. Следующий хлопок выбивает осколки из кирпичного свода. И высокий так испуганно пригибается, что начинает казаться маленьким. Нет, девушка не промахнулась — всего лишь дала предупредительный. И следующая пуля не разминётся с человекообразной мишенью.

— Пусть уходят, — говорит Хлуст. Девушка встряхивает своими рыжими кудряшками, будто не соглашаясь. Но всё-таки кивает.

Троица почти на карачках выползает через подворотню и беззвучно скрывается из виду. Трусливые твари! Пока “глок” остаётся в девичьих руках, не теряя времени даром, Хлуст начинает перевязывать раненого.

— Спасибо, друг, — шепчет тот, тяжело привалившись к кирпичной стене. — Если б не ты...

— Они вернуться, — хмуро качает головой Хлуст. — Позовут подмогу и придут со стволами.

Он знает, о чём говорит, — слишком хорошо изучил эту породу ещё по майданному Киеву. И в кармане его сумки лежит аналогичная жёлто-голубая лента. Но сейчас... Ему не хочется её показывать. Теперь, после всего, как объяснить, что сам — не такой?

Когда со всей Украины везут поездами и автобусами тысячи фанатов и просто активистов, среди огромной людской массы обязательно найдутся конченые мерзавцы. Их много, даже слишком. Он помнит их по атакам на “ватные” Днепр и Харьков. Порой ему, кажется, что именно эти — самые ярые сторонники Движения. Самые крикливые, самые первые в расправах над беззащитными и готовые бежать без оглядки при малейшей угрозе.

Наставник говорил: “Нынешнее человечество — просто перегой. Но самые яркие цветы всегда растут поверх дерьма. И когда рухнет цивилизация, именно из этого мусора поднимется новая, высшая раса. Если хотите стать первыми её ростками, хлопцы, — не бойтесь крови и грязи!”

Ворон редко ошибается. Ему можно... и надо верить. Только иногда так трудно шагать с человеческим гноем в одном строю.

Хлуст вздыхает, заканчивая перевязку. Ему симпатичен и раненый, и его смелая рыжеволосая девушка в шортах и цветастой футболке, похожая не на даму сердца, а скорее, на хулиганистого подростка. Наверное, они все смогли бы подружиться. И хочется сделать ещё что-то хорошее, чтобы загладить впечатление от тех уродов с жёлто-голубыми лентами.

— “Скорую” уже вызвала? — спрашивает Хлуст у девушки.

— Не скорую — такси.

— Вам же в больничку...

— На такси быстрее доедем, — тихо объясняет раненый. Это кажется немного странным — с ножевыми не шутят, а здесь, в центре, ждать “скорую” не так уж долго. Но Хлуст не пытается спорить.

Тем более что машину уже подали. Хлуст выходит первым — оглядывается, проверяя улицу. А потом помогает раненому доковылять из подворотни

к древней синей “тойоте”. И уже усадив того внутрь, снова слышит благодарность:

— ... Спасибо, брат! Без таких, как ты, Одесса не выстоит.

— Одесса большая, — уклончиво отвечает Хлуст.

— Все наши сейчас собираются на Александровском, рядом с гимназией, — вдруг говорит девушка с рыжими кудряшками.

“Наши?” — успевает он удивиться. А она открывает сумочку и достаёт маленький кусочек картона с пропечатанной оранжево-черной лентой.

“Колорады!” — яростным воплем отзывается сознание. Хлуст на мгновение цепенеет, но всё-таки берёт карточку. Там надпись: “Одесская дружина”, — чуть ниже — телефон и e-mail.

— Приходи, — шепчет раненый. — Меня, как видишь, выбили из игры. Но ещё ничего не решено!

Улыбается, достаёт из кармана и надевает очки в тонкой оправе.

Хлуст молчит, всматриваясь в его бледное лицо. И с ужасом понимает, что где-то видел его раньше, — светлые, коротко стриженные волосы, голубые глаза, тонкий нос с горбинкой. И эти очки, да...

“Видел!” Уже несколько минут у него такое чувство. Но теперь — не осталось сомнений. Вчера, когда Ворон показывал им фотки — активисты Антимайдана, подлежащие аресту или ликвидации в первую очередь.

— Да, скоро всё решится, — силно выдавливает Хлуст. — Обязательно... — а внутри у него пылают огненными буквами: “ВРАГ!” Недостойный жалости. А те трое ублюдков — выходит, его друзья? “Нельзя бояться крови и грязи...” — опять ясно всплывает из памяти. И ребристая рукоятка пистолета сейчас рядом, в его сумке — девушка с кудряшками уже вернула “глок”.

Хлуст опускает веки. Бормочет, как молитву:

— Победа даётся сильным. Говорят, их намного больше — тысячи крепких, подготовленных бойцов со всей Украины. А сколько таких в вашей дружине — двести, триста? Остальные — это огромная массовка, умеющая только кричать или махать знамёнами... Инженеры и работники, офисный планктон, студенты и пенсионеры — какой толк от них в уличной схватке? У вас просто нет шансов!

— А какая разница, насколько их больше? — удивляется раненый. — Неужели считаешь, мы должны сдать город без боя? Бросить всё и бежать без оглядки, как крысы?

Хлуст открывает глаза:

— Вас просто раздавят!

А раненый смотрит на него серьёзно и строго. Поправляет очки, кивает:

— Может быть. Тогда за нами придут другие. Одесса уже бывала в оккупации, и всё равно, мы вернули свой город. Ты ведь помнишь главное правило?

— Какое ещё правило?

— Русские не сдаются, — без всякого пафоса говорит парень в очках, бледный от кровопотери, щуплый и совсем не похожий на героя. Скорее, на студента-ботана.

“Что ж, ты сам выбрал!” — Хлуст молча тянется к сумке с оружием, расстёгивает змейку. “Минус — два патрона, ещё восемнадцать — в магазине”, — машинально подсказывает ему сознание.

А девушка с кудряшками продолжает смотреть на него, как на спасителя. И это хуже всего — страшнее любых проклятий.

Раненый улыбается:

— Нет времени спорить... Как тебя зовут?

— Алексей, — хрипло отвечает Хлуст, нащупывая рукоять пистолета.

— А я — Иван. Дай Бог, ещё свидимся! — раненый протягивает ему руку.

Хлуст застывает на пару секунд. И неожиданно для самого себя отдёргивает пальцы от оружия. Протягивает руку в ответ, пожимает ладонь врага. Потом дверца машины захлопывается. Такси не спеша трогается с места. И можно было бы пальнуть вслед — в их затылки по ту сторону запылённого стекла. Но Хлуст не двигается. Растерянно стоит у бордюра и ещё

целую минуту невидящим взглядом смотрит вдаль — туда, где в потоке движения исчезла машина. Наконец, яростно комкает карточку с оранжево-чёрной лентой, роняет её на асфальт. Достает из сумки телефон и набирает Ворона:

— Аллю! У меня срочная информация — “колорады” собираются на Александровском!

— Спасибо, — долетает из динамика. — Уже знаю. Всё под контролем, так что пока развлекай подругу. — Судя по интонации, наставник улыбнулся. Значит, правда, ничего критичного.

Хлуст прячет телефон. Настороженно оглядывается по сторонам. И так же светит солнце, а лёгкий ветерок целует листву. Но теперь кажется, что всё это — по ту сторону мутного, заляпанного грязью стекла.

Хватит! Да, он сделал глупость. И больше такого не повторится! Словно убегая с места преступления, Хлуст сворачивает в переулочек, минут десять петляет между скверами и домами, избегая прямых путей. По дороге опять замечает, что улицы странно малолюдны. Но это даже хорошо. Потому, что прохожие его раздражают: чудится, что у каждого под курткой или в кармане — ненавистная оранжево-чёрная лента...

Плевать на местных. Сегодня им прочистят мозги! Главное, что он почти не опаздывает. Главное, что сейчас увидит Катю!

К ароматам цветов опять примешивается запах моря. Синий горизонт уже открывается из-за домов. И Хлуст ускоряет шаг. Почти успел. Задержался максимум на минут пять...

Он нервно осматривается. Людей на набережной чуть побольше. Но та самая скамейка под каштанами совершенно свободна. Катя ещё не пришла? Значит, скоро будет! Хлуст тяжело опускается на крашенные деревянные бруски. На одном из них он когда-то успел вырезать её имя. А рядом — своё. Глупая, совсем детская причуда. Даже смешно вспоминать. Но почему-то ему безумно дорога эта память. И такой пустяк до сих пор греет сердце... Конечно, скамейку с тех пор успели покрасить. Но он точно помнит, где была надпись, и легко нащупает пальцем скрытые под жёлтой краской слова “Алёша+Катя”. Будто верный знак, что они никогда не расстанутся...

Хлуст закрывает глаза. Кажется, он целую вечность готов сидеть в счастливом ожидании. Кто-то спешит мимо. Но он не шевелится. Он точно знает, что сумеет угадать лёгкую походку Кати. Это обязательно произойдёт. Он бросится к ней, встретит её губы своими губами, и они сядут, обнявшись, на эту жёсткую, но всё-таки лучшую скамейку — чуть в стороне от главной аллеи, в тени каштанов, зато с кусочком моря, выглядывающим впереди между зелени...

Пискнул смартфон в кармане. Хлуст вздрагивает, торопливо достаёт аппарат и смотрит на экран. Обычная рекламная рассылка. А от Кати ничего. Хотя опаздывает уже на четверть часа. Раньше она всегда предупреждала... Пустяки. Хлуст прячет смартфон, но тот вдруг оживает истошной трелью. Катя?! Нет... Лосяра звонит, один из заместителей Ворона. Ему-то чего понадобилось?

— Да?

— Хлуст, срочное дело — “ватники” напали на наших.

— Этого только не хватало! Где?

— Где-то на улице Довженко. Ты ведь приблизительно в том районе?

— А можно адрес точнее?

— Нельзя. Хлопцы — не местные, вообще слабо ориентируются. У “ватников” — стволы! У наших — раненые. Поможешь?

Голос звучит встревоженно, но самую малость. Когда Лосяра по-настоящему беспокоится — так частит, будто сам готов выпрыгнуть из трубки. Довженко? Это недалеко...

— Ладно, — говорит Хлуст. — А хоть какой-то ориентир? Где эти заезжие сейчас тусуются?

— Знаешь стройплощадку рядом с “Мечником”?

— Рядом с биофаком, в Шампанском переулке?

— Типа того...

Он доберётся туда минут за пятнадцать.

— Дать им твой телефон? — нетерпеливо уточняет Лосяра.

— Давай.

— Позывной их командира — “Чуб”.

— Понял, скоро буду!

Нажимает отбой. И, подхватив дорогой букет роз, вскакивает со скамейки, на ходу, одной рукой набирая Катю. Длинные гудки. И никакого ответа. “Где ты, милая?! Да, я готов ждать тебя часами, но теперь надо помогать побратимам. Ты ведь простишь мне эту дурацкую накладку?”

Основные силы “колорадов” — где-то у Александровского проспекта. Значит, здесь — лишь мелкая стычка. Да и была ли она? Заезжие активисты легко могли сами нарваться — по собственной провинциальной упёртости. Каким-нибудь селюкам из-под Тернополя “вооруженные агенты Путина” чуются на каждом шагу.

Наверняка, пока он доедет, паника уляжется. И тогда Хлуст опять вернётся в сквер у моря... Вот и Французский бульвар. Машин сегодня мало, а трамвай как раз подошёл к остановке. Успеет! Хлуст перебегает дорогу и вскакивает в вагон за миг до закрытия дверей. Может, после всех нелепых случайностей удача опять повернулась лицом?

Он опускается на сиденье и с новой надеждой набирает Катю. Но лишь противные длинные гудки звучат из динамика. Ничего, она увидит пропущенные звонки. Она обязательно сама его наберёт! “Стоп, приехали!” Хлуст выпрыгивает из трамвая. Бежит туда, где за решётчатым железным забором и неряшливым, высоким кустарником маячит строящаяся высотка.

От остановки минуты три ходу — тут даже запыхаться не успеешь. Но Хлуст вдруг замирает и оглядывается вокруг со странным шемещим чувством. Будто хочет напоследок запомнить окутанные зеленью деревья, нагретую солнцем брусчатку мостовой. И прозрачно-голубое небо над бульваром — как огромную чашу с теплом и светом...

Конечно, глупость. Но в эту секунду даже стебелёк, пробившийся через трещину в асфальте, и сама трещина начинают казаться особенными. Почти зловещими знаками того, что мир готов разлететься на тысячу осколков?

Истошная трель смартфона разгоняет наваждение.

— Да? — сухо отвечает Хлуст.

— Алло! Это Чуб — мы в переулке!

— Я уже здесь, буду через минуту...

Он идёт вдоль кирпичного забора. Пока никого не видно.

— Да, где же вы, хлопцы? — недоумённо спрашивает в трубку.

— А мы за ресторацией, — раздаётся смешок в динамике, — Пока видим — трохи пьемо пиво!

“Придурки!” — думает он раздражённо. Такие и правда могут нарваться на “колорадов” — даже в расслабленном, утихом ко второму дню праздников городе. Прохожих здесь немного, но Хлуст тревожно осматривается — уличный бой с “ватниками” сейчас точно не входит в его планы. Впереди уже маячит злосчастный клуб, который эти обозвали “ресторацией”, — когда-то бойкое место, куда и сам Хлуст захаживал, а сейчас — просто сумрачное внутри и обшарпанное снаружи двухэтажное здание с наполовину оборванной вывеской.

Кажется, клуб закрыли ещё прошлой весной. Хотя, чтоб валяться рядом на траве и пить пиво — вполне удобное место... Они сказали — “за ресторацией”? Хлуст морщится — меньше всего ему хочется лазить по кустам, ещё и с букетом роз наперевес. На пару секунд он застывает в нерешительности. Ему даже чудится, что кто-то следит за ним — откуда из зарослей. Позвонить заезжим, чтоб сами вылезли из своей “схованки”? Да ладно, какого чёрта! Пусть провинциальные рагули шарахаются от каждой тени, а онто — у себя дома!

Хлуст пренебрежительно сплёвывает и идёт вперёд вдоль грязновато-серой стены, поворачивает за угол. Ну, и где они?

— Эй, хлопцы...

— Привет, — раздаётся за спиной.

Хлуст резко оборачивается. И сильный удар по голове обрушивает его в тёмную пустоту.

3

...Тёмная река несла его вперёд по невидимым перекатам, вдоль невидимых во тьме берегов. Он пытался сопротивляться течению, но сил почти не было. И всё, что удавалось, — отчаянно барахтаться на поверхности, почти захлёбываясь странной, слишком солёной, слишком густой водой. Ещё немного, и он пойдёт ко дну. “Неужели правда конец? Не может быть... Как глупо... Только не сейчас, только не со мной!” — билась в голове хаотичные мысли — словно мелкие рыбёшки в бурном потоке.

Неужели он больше никогда не увидит Катю?

“Катя!” — от этой мысли сердце вздрогнуло, и в последнем, отчаянном усилии он рванулся туда, где должен быть берег — к неясному свету, едва пробивавшемуся через красную пелену...

“Жив? Жив!” Голова это ясно подтвердила болью. Он судорожно сглотнул кровь — губа разбита? Резкие звуки ворвались в сознание. Два голоса спорили где-то сверху:

— Смотри, очнулся гад. Просит добавки!

— Нэ чипай! И так лэдвэ нэ вбылы.

— Мы что, должны жалеть эту падаль?!

— До чога тут жалость? Чуб казав, трэба щоб був живый — щоб можно було допросыты.

— Я и сам устрою ему допрос!

Хлуст болезненно ощутил пинок в грудь. И понял, что лежит на земле — сильно избитый, не меньше, чем с парой трещин в рёбрах. А те, кто способствовал этому его новому состоянию, продолжали ругаться рядом:

— Досыть, дурэнь!

— Сперва узнаем, откуда у этой твари ксива Движения!

— Кому надо — уэз дизаюцца, нэ сумнивайся — воны його на рэмни порижуть. Чуб пишов за машиной, повэзуть до штабу... Кажу, нэ чипай!

Глухая возня и удар под рёбра. Острая боль почти невыносима. На пару секунд Хлуст опять провалился в темноту. А когда начал приходить в себя, различил прежний встревоженный голос:

— Бачыш, йолоп, що накоилы! Вин и так майже нэ дыхае!

— Очнёцца, — неуверенно пробормотал второй.

— В штаби нам яйця повидрывають... Воды давай!

— Зачем?

— Трэба вылыты ему на голову... Щоб оклэмався — якщо здохнэ, то нехай вже в штаби, а не зараз!

— Где я тебе возьму воду?

— Дэ завгодно!

Второй хрипло выругался матом. И следом долетел звук удаляющихся шагов. Прошла почти минута. Первый неуверенно склонился над Хлустом и похлопал его по щеке:

— Эгэй, нэ трэба! Подумаеш, трохи дали по кумполу... Навищо видцього помыраты?

— Не буду, — поднимая веки, шёпотом пообещал Хлуст. И одновременно ударил коленом. Кажется, попал врагу в солнечное сплетение? Треснувшие ребра отозвались болью, зато мордатый крепыш выпучил глаза и без единого звука стал заваливаться вбок. Хлуст оттолкнул его, медленно приподнялся, сплюнул кровью из разбитой губы. Сейчас ему было не только больно, но и противно. Конечно, он узнал крепыша. И голоса тоже узнал. Двое из той самой троицы, которую он спугнул меньше часа назад — “активисты” с жёлто-голубыми лентами. Человеческий гной с битами и ножами.

Вот значит, к кому его позвали на выручку! Шампанский переулоч совсем недалеко от той подворотни, где заварилась эта каша. А орды “ватников со стволами”, атаковавшие честных “патриотов”, — это, выходит, сам Хлуст в придачу к раненому “сепаратисту”, защищавшему девушку. Хотя

и рыжеволосая девушка, не струсившая в последний миг, — натуральный вооружённый “агент Путина”.

Попробуй теперь доказать, что всё было не так! Морщась от боли, он проверил свои карманы. Ну да, ни членского билета Движения, ни второго телефона... После того как Хлуста узнали и подлю вырубил исподтишка, взяли всё, даже заначку в триста гривен из заднего кармана джинсов.

Он кое-как обшмонал мордатого. Ничего полезного. Похоже, документы и вещи, включая сумку со смартфоном, пистолетом и ножом, достались Чубу — старшему из тройцы. Скоро тот вернётся с подмогой. Но что-то не хочется его ждать... Пошатываясь, Хлуст медленно поднялся на ноги. Голова закружилась, и он торопливо шагнул к серой стене заброшенного клуба. Привалился к ней на пару секунд, баюкая красноватый вихрь перед глазами.

А крепко ему досталось — куда хуже, чем от киевского “Беркута”! Наверное, когда его вырубил, ещё пару минут власть топтали бесчувственное тело — типа, оттягивались за собственное унижение там, в подворотне. Ублюдки! Он с ненавистью покосился на запрокинутую голову мордатого крепыша. Жаль, что рыжеволосая по-настоящему того не подстрелила — только чуток оцарапала ногу.

А может, пора завершить то, что она не успела? Бейсбольная бита, перепачканная в крови, стояла рядом, прислонённая к стенке. Всего-то надо протянуть руку и отплатить уроду сполна... Но жёлто-голубая ленточка, повязанная поверх рукава куртки, — как напоминание о преступлении самого Хлуста. Ведь именно он помог сбежать врагу. И выходит, эти трое хотя бы отчасти правы?

Мерзко о таком думать... То, что казалось настолько ясным, простым ещё утром, теперь окончательно запуталось. К чёртям! Пора отсюда сваливать. Он поднял деревянную битку. Слишком большая, тяжёлая, зато можно опираться, как на костыль. Надо лишь успокоить гулкие молотки в висках и потихоньку ковылять вдоль стены клуба в сторону переулка.

Какой-то шорох за спиной? Трещат кусты. Это плохо. Особенно, если Чуб вернулся с подмогой... Хлуст ускоряет шаг. Отрывается от стены и пытается бежать по переулку назад, к бульвару. Наверное, со стороны это выглядит нелепо, — его мотаёт будто пьяного. И вёрткая земля так и норовит ускользнуть из-под ног. Тяжёлая бита выпадает из слабых пальцев. Но Французский бульвар уже рядом. Яростный крик разрывает воздух за спиной:

— Стой, сука!

Чьи-то подошвы стучат по асфальту — мягко, но быстро. Слишком быстро. Сейчас догонят! Ему негде укрыться. И никто вокруг не придёт на помощь — просто не осмелится. Крепкие парни с жёлто-голубыми лентами — сегодня единственные судьи и палачи...

Визг тормозов.

— Садись! — распаивается вдруг дверца рядом. И Хлуст почти падает внутрь старенькой “Дэу-Ланос” с шашечками такси на крыше. Не успевает даже толком захлопнуть дверь, когда “Дэу” опять резко срывается с места, подпрыгивая на булыжниках мостовой.

Гулкие хлопки. С треском разлетается заднее стекло. Таксист хрипло матерится, вдавливая педаль газа. Несколько раз круто переключивает руль. Машину швыряет из стороны в сторону, кажется, так удаётся увернуться автоматных очередей. Потом всё стихает. “Дэу” проскакивает светофор на красный, на огромной скорости летит мимо забора санатория “Аркадия” и, заложив крутой вираж, вылетает на Академическую.

— Вроде ушли... — бормочет водитель и с тревогой косится на Хлуста, — Э, да у тебя кровь на виске! Не зацедило?

— Нормально, — шепчет Хлуст. — Это не сейчас, раньше...

— Вот же твари! — качает головой лысоватый, упитанный таксист, совсем не похожий на героя киношных погонь. — Натуральные оккупанты — хуже немцев и румын!

Хлуст молчит, потупив глаза. Таксист — стопроцентный “колорад”. Но без него всё кончилось бы ещё пару минут назад.

— Что-то ты совсем плох, — сочувственно бормочет водитель. — Крепко же тебе досталось!

“Ничего, сам заслужил!” — хочется выпалить в ответ. Одна ошибка, всего минута слабости... И как теперь выбраться из проклятого клубка нелепых совпадений?! Да, чисто по-человечески у него куда больше общего с этим таксистом, с тем “ватником”, которому он помог уйти... Но логика борьбы не терпит личного, мелкого. Ведь со своей дурацкой жалостью он едва не переметнулся к врагам нации!

Хлуст закрывает глаза. Боль пульсирует в висках. Это плохо, но терпимо. Куда хуже думать о том, что Катя, наверное, уже его ждёт — сидит на той самой скамейке и отчаянно пытается набирать номер...

Стоп! А ведь его смартфон сейчас в руках Чуба! Сама мысль об этом пронзает, будто током: “Если эти ублюдки её найдут...” От Шампанского переулка, где он оторвался от погони, до сквера, где назначена встреча, — всего полчаса пешком.

— Можно позвонить с вашего телефона? — хрипло бормочет он вслух. — Один звонок... Пожалуйста!

— Без вопросов, — кивает таксист, протягивая ему древнюю, но ещё крепкую “моторолу”.

“Абонент временно недоступен”, — сообщает равнодушный голос в трубке.

— Остановите, — полузадушенно шепчет Хлуст.

— Да всё нормально, — отмахивается таксист, — Довезу, куда хочешь, — денег не надо! Но сперва тебя бы в больницу...

— Мне надо назад, — умоляюще выдыхает Хлуст.

— Ты спятил, парень?!

— Остановите!

Водитель смотрит на него с жалостью, недоумением. И всё-таки резко бьёт по тормозам — старенькую “Дэу” едва не разворачивает поперёк движения. Хлуст распахивает дверцу. Пошатываясь, выбирается наружу. Гулкие барабаны стучат в висках, но он упрямо ковыляет, раскачиваясь, словно на утлом кораблике в шторм. Он даже успевает пройти пару сотен метров до трамвайной остановки, прежде чем вёрткая земля куда-то выскальзывает из-под ног. Будто с обрыва он падает в тёмную реку.

4

Красная мгла скрывала берега. Тёмный поток нёс его легко, как щепку. Где-то там, впереди, река с гулом обрушивалась в бездну. Но знакомый голос вдруг прилетел из дымки: “Мне страшно, Алёша!” И будто судорога пронзила тело. Отчаянно хватая ртом воздух, Хлуст вынырнул из темноты — в сумрачный коридор, пропитанный запахом хлорки и лекарств. Ошалело оглянувшись по сторонам, морщась от боли в треснутых рёбрах, сел на покрытой клеёнкой каталке. Ещё несколько таких же металлических “кроватей” стояли рядом — все с телами.

Когда распахивались двери, сквозняк пролетал по коридору. Но свежести это не приносило. Потому что весь коридор был заполнен людьми. Кто-то стонал, кто-то ругался, некоторые были похожи на спящих — с приоткрытыми глазами, с остановившимися зрачками. Те, кому не хватало каталок, лежали или сидели прямо на полу, привалившись к кафельным стенам. На некоторых белели свежие бинты. На других — кровоточили раны. И несколько георгиевских ленточек ясно угадывались среди изорванной, перепачканной, провонявшей потом и дымом одежды.

Чей-то плач долетел рядом. Хлуст повернул голову. Скорчившаяся в углу бледная женщина в измятой кофте вздрагивала, обнимая неподвижного юношу, и гладила его волосы, покрытые запёкшейся кровью. Кажется, она шёпотом звала его по имени:

— Миша... Миша...

Но тот не отвечал. И лицо его казалось желтовато-серым, будто вылепленным из воска. Хлуст растерянно моргнул, торопливо отвернулся. Если бы

хватило сил, он выскочил бы отсюда, как ошпаренный, только бы не видеть и не слышать... Но цветные круги от лампочек плавали перед глазами, и коридор медленно вращался, отзываясь внутри тошнотой. Будто этот провонявший болью и смертью предбанник ада ценко удерживал Хлуста в своих стенах. Казавшиеся равнодушными санитары быстро сновали между телами. Усталый голос врача, затерянного среди угрюмой больничной суеты, коротко отдавал распоряжения:

— Срочно в реанимацию... Этого перевязать... А этого... — казалось, он загнулся на секунду и сухо добавил. — С этим уже можно не спешить.

— Доктор! — вдруг словно очнулась заплаканная женщина в углу. — Вы говорили, что Мишу заберут в палату. Вы обещали!

— Да-да, конечно, — кивнула тощая фигура в синем балахоне со свежими тёмными пятнами.

— Ему плохо, совсем плохо, доктор... Пожалуйста, сделайте хоть что-нибудь! — Её голос был тихим, но в эту минуту казался таким невыносимо ясным, что Хлусту хотелось заткнуть уши.

— Не надо волноваться, — пробормотал врач, — Мы работаем... — вынырнул под свет яркой лампы, так что стало видно очень молодое, но осунувшееся лицо, и взмахнул рукой медсестре:

— Дайте Марии Ивановне феназепаму — две таблетки. И стакан воды!

Лязгнула металлическая дверь. Послышались шаги, скрипнули колёсики медицинской тележки, на которой опять везли истерзанного, будто в огромных челюстях побывавшего человека. И до этого почти невозмутимый доктор неожиданно сорвался — с яростным отчаянием выпалил:

— Что, снова к нам? Других адресов не знаете?!

— В Еврейской вообще всё битком, — пожал плечами фельдшер “скорой”. — Вы же слышали, что творится. Заберёте или везти в восьмую?

— Заберём...

Два больничных санитаря торопливо освободили под нового пациента каталку — лежавшего на ней мужчину в разорванной куртке опустили прямо на голый линолеум. Голова неуклопе запрокинулась набок и приоткрытые глаза, не мигая, укоризненно уставились на Хлуста. Тот вздрогнул и, борясь с головокружением, неловко свесил ноги, тоже попытался слезть на пол — будто остро ощутил, что ему здесь нет места. Словно все люди в этом проклятом коридоре — мёртвые и живые, с георгиевскими ленточками или без — вот-вот готовы были распознать в нём ненавистного чужака.

— Ты куда? — тревожно спохватилась медсестра.

— Мне... надо идти!

— Ложись! У тебя сотрясение или ещё что хуже.

— Мне очень надо... Надо найти человека!

— Обрабатывайте рану, и пусть уходит, — вмешался доктор. Хмуро добавил. — Сегодня в Одессе такой день. Сегодня многие будут искать своих. Только не все найдут...

“Неправда!” — едва не крикнул в ответ Хлуст, но сил хватило лишь, чтобы не упасть на пол. Сердобольная немолодая медсестра помогла ему доковылять до процедурной, промыла рану на голове перекисью водорода, быстро, аккуратно перевязала. Дала таблетку обезболивающего. Усадила в углу на крашенном белой краской табурете, поделилась крепким сладким чаем и даже вручила собственный мобильник, чтоб набрать тот номер, который он помнил наизусть.

— Абонент не отвечает или временно недоступен, — равнодушно отозвался динамик.

— Не переживай, — успокоила его медсестра, — Найдётся... Обязательно! Ведь должно кончиться это безумие...

— Оно только начинается, — прошептал кто-то рядом.

Хлуст хотел сразу же уйти, но так и не смог подняться. Неизвестно, сколько времени просидел на табурете в странном полусне-полубреду. И виделось ему, что бежит он по бесконечным пустым улицам, по тёмным коридорам. Не было конца этому душному лабиринту, но сознание ясно улавливало через приоткрытую дверь процедурной голоса из коридора:

— ...с Греческой?
— Думаю, там уже всё.
— Это неизвестно...
— Известно. Много ты навоюешь с палками против гранат и огнестрела?

— Тогда... не стоило и выходить.

— Типа забиться в щели и ждать, когда они придут за каждым по отдельности? — невидимый собеседник вполголоса матерится.

— Не стали вы ждать — и много это изменило? — хрипло и безнадежно спрашивает второй.

— Наши-то думали, что, как раньше, обойдётся руганью и кулаками. Доморощенных нациков столько раз так гоняли!

— Раньше была детская беготня... Если нет оружия — какой смысл дёргаться? Ведь теперь они будут мстить городу!

— Мстить за сегодня? Не смеди мои тапки... Или ты думаешь, они ехали сюда просто футбол смотреть? В защитной экипировке, с дробовиками и взрывчаткой, с автоматами и пистолетами?

— Тогда тем более не надо было их злить!

— Не болтай глупости, Сёма, — как можно “не злить” бешеных тварей?!

Третий вмешивается в разговор. Он кажется очень спокойным:

— Не спорьте. Зачистку они приехали делать. Обыкновенную зачистку — как немцы в войну. И сейчас эта силища двинется на Куликово... Никого не пощадят.

— Чепуха! Сейчас не сорок первый год. Россия не допустит, они не посмеют!

Хлуст вздрагивает, открывая глаза. Слегка пошатываясь, выбирается в коридор, — там, на скамеечке у окна сидят трое — все в свежих бинтах и гипсе, одинаково напряжённые и угрюмые. Хлуст окидывает их лихорадочным взглядом. Ему ведь не почудилось, он действительно слышал их беседу?

— Значит, главный замес сейчас — на Греческой?

Пациенты недоверчиво рассматривают его забинтованную голову, и самый старший, с ногой в гипсе, наконец, кивает:

— А сегодня с самого утра беспредел на улицах... По всему центру.

— Беспредел? — морщится Хлуст.

— Я вот заступился за старика... Хотели сорвать с него орден. Я не дал. Перебили ногу железной трубой — спасибо, что не голову. Тебе ведь тоже досталось?

Хлуст неопределённо кивает. Ему вдруг становится мутно — почти до головокружения. Так будто он преступник на допросе. К счастью, второй пациент, с перебинтованной кистью, решительно встречает в беседу:

— На Греческой дело плохо! Я дозванивался нашим четверть часа назад. Их смяли. Кажется, кого-то заблокировали в “Афине”, но долго им не продержаться!

— Понятно... — больше не говоря ни слова, Хлуст ковыляет к выходу. И слышит вслед:

— Там и здоровым — жарко. Не суйся туда, парень!

Он не оглядывается. “Жарко? Да, действительно...” Капельки пота стекают по спине. Чья-то порванная на рукаве, замызганная кофта, которую накинула на него медсестра, хорошо греет. Или это кажется? Десяток шагов даются с трудом — будто воздух стал осязаемо плотным. Он едва не увязает в этой цепкой, душной пустоте. Пол так и норовит выскользнуть из-под ног. И взгляды людей в коридоре почти физически обжигают.

Ему чудится, что все вокруг следят за ним с затаённой враждебностью. Даже мёртвый человек на грязном линолеуме, застывший с нелепо подогнутой рукой. Но разве Хлуст виновен в том, что случилось? Разве это он привёл беду в город? Нет, они сами! Своей фальшивой верой, своей придуманной надеждой... Ведь единственная справедливость на Земле — это сила. А сила не знает жалости, не щадит слабых и безоружных. Только безумцы осмелятся идти против этого вечного закона!

Хлуст едва не вываливается наружу — в прохладу больничного двора. И несколько секунд стоит, прислонившись к бетонной стене, глубоко вдыхая свежий воздух, успокаивая бешено колотящееся сердце.

“Идиоты, лузеры... Предатели Украины!” Глупо так переживать из-за этого совкового болота. Ничего общего у него с ними, ничего! Единственное его желание — разорвать череду дурацких совпадений. И защитить Катю, если, не приведи Бог, её тоже зацепило.

Всё обязательно удастся разрулить. Ведь есть человек, способный помочь даже при самом поганом раскладе! Ворон. Наставник, который ближе родного отца. Раз главная схватка на Греческой, очевидно, и искать его надо там. Если вдруг хлопцы из Движения схватили Катю, значит, повезли в штаб, и только Ворон сможет всё решить. Он обязательно поверит Хлусту, он поймёт, что есть разница между реальным предательством и минутной слабостью. “И пусть назначит любое наказание, пусть даже пошлёт на Донбасс под “сепарские” пули — что угодно! Лишь бы с Катей ничего не случилось...” Хлуст вздрагивает. А если позвонить? Вернуться в приёмное отделение и опять попросить телефон у медсестры? Нет!

Тем более что всё равно не удастся вспомнить новый номер наставника — перед выездом в Одессу тот специально сменил мобильник и “симку”. Тогда Хлуст наизусть успел выучить новые цифры. А сейчас — как отрубилось... Хорошо ему врезали по мозгам...

К дьяволу! Не имеет значения! Он успеет, обязательно успеет! С этой мыслью он бросается вниз по больничному пандусу, прочь из этого проклятого места, без отдыха, без оглядки, словно пытаясь убежать от невидимой погони. Через сквер, через кусты, через дырку в заборе. Одинаково неприступными переулками и широкими проспектами.

5

Одесса кажется ему даже более пустынной, чем раньше. И Хлуст вдруг понимает, что уже вечер, прошло неизвестно сколько времени с того часа, на который была назначена встреча с Катей. Слишком долго он провалялся в отключке. Слишком бездарно потратил день, который должен был стать самым счастливым с момента победы Майдана.

Ничего! Ещё можно всё изменить. И как ясный знак этого — браслет из серебристой проволоки, изогнутой буквами “LOVE”. Столько передраг случилось сегодня, а он до сих пор уцелел у Хлуста на запястье.

Зелёно-синие плетёные шнурочки и простенький замок из проволоки выдержали схватку с “побратимами”. Почти забавно, что хлипкое на вид украшение оказалось куда крепче контуженной головы. И обокравший его Чуб не тронул самодельный браслет, наверное, потому что не считал ценным. Откуда тому уроду знать, что чувствует Хлуст, касаясь выгнутых из простой проволоки букв!

“Ты была права, милая, — это лучше, чем обручальные кольца. Крепче, чем любые клятвы...” Раньше подобное казалось глупостью, но сейчас он почти физически чувствует её тепло через тонкую проволоку на своей руке. А значит, всё будет хорошо. Они обязательно встретятся, вопреки всем тварям под любыми знамёнами! “Никто не в силах нас разлучить... Никто!”

Солнце начинает медленно клониться к закату. Маршруток нет ни одной. Такси тоже. Редкие легковушки стремительно проносятся, не тормозя на взмахи руки Хлуста. Ему приходится долго идти через кварталы одноэтажных домов, мимо чьих-то уютных мирков, спрятанных за дощатыми и стальными заборами. Он вглядывается в занавешенные окна и думает: как здорово должно быть возвращаться туда, где тебя не забыли, где в вечернем свете кто-то выглядывает тебя с крыльца.

Разве он такого не заслужил? “Я вернулся... Вернулся, чтоб всё опять было хорошо!” — мелькает в голове. Но собаки за заборами провожают его одинокую фигуру тревожным лаем. Он срезает дорогу напрямик через старинное кладбище. Спотыкается об укрытый в траве бетонный бордюр, смеётся, когда видит красную звезду над чьей-то неухоженной могилой.

“Надгробия... Только надгробия — вот, что осталось от вашей памяти и веры! Один сильный удар — и всё рухнет!” Как здорово осознавать себя частью силы, которая навсегда изменит эту землю, подарит её молодым и свободным! Землю, где они с Катей навеки станут неразлучны...

Да, он сделал ошибку. Но у него ещё масса времени. Вечернее солнце до сих пор висит над крышами. И трамваи пока ходят. Доковыляв до остановки, Хлуст ждёт “тройки” — совсем недолго, минут пять. И войдя в полупустой вагон, опустившись на жёсткое сиденье, опять проваливается в полубытьё.

В те мгновения, когда сознание оживает короткими вспышками, через полукрытые веки город кажется ему чёрным, будто покрытым густой гарью от покрывок, — проплывающие за стеклом тёмные силуэты домов под багровеющим закатным небом. Улица странно кривится, изгибается, рельсы ведут куда-то вниз, будто трамвай съезжает по краю огромной воронки. И сердце начинает биться чаще. Потому что там, впереди тени густеют, сплетаются в диковинный узор. Будто кто-то необъятно большой, косматый вырастает из дымной пелены, следит оттуда внимательным взглядом. И клубящаяся бездна угадывается в огромных зрачках...

Хлуст вздрагивает, как от ледяного прикосновения. Тревожно озирается по сторонам. Но за стеклом — ничего пугающего, только старинные двухэтажные дома, жёлтые, розовые, уютные, как воспоминания из детства. И плывёт в ясном вечернем свете ровная, как стрела, Преображенская улица с привычными трещинами на асфальте, с окутанными свежей зеленью клёнами...

А вот мелькнул разбитый рекламный щит с предвыборным плакатом регионала Добкина. Добравшись до напечатанного лица, кто-то ножом выколол ему глаза. Чуть далее у перекрёстка маячит изуродованная легковушка — по ней словно стадо промчалось. Окна — вдребезги, капот и крылья изувечены до бесформенного состояния. Хлуст улыбается. Нет, это не ДТП, наверное, внутри машины была георгиевская лента, и хлопцы хорошо поработали здесь бейсбольными битами и обрезками стальных труб. Удивительно, что вообще не подожгли!

Значит, самое интересное уже рядом. Пора выходить! Он вскакивает с жёсткого сиденья. Успевает поймать на себе испуганный взгляд кондукторши и приветливо машет ей рукой. Кстати, а она ведь так и не потребовала с него денег, наверное, пожалела из-за обмотанной бинтом головы...

— Спасибо! — подмигивает он. Двери распахиваются, и он проворно, почти не чувствуя головокружения, прыгает на асфальт.

Кажется, дремота пошла ему на пользу. Даже треснутые рёбра болят не так сильно. Теперь всё обязательно наладится! Он бежит к перекрёстку и сворачивает за угол, на Греческую, одноимённая площадь совсем рядом. Столько раз он бывал тут раньше, но сейчас... Хлуст удивлённо замедляет шаг, оглядываясь на разбитые витрины, спотыкаясь на разобранных тротуарах из плитки.

Улицу не узнать. Опрокинутые мусорные баки, сожжённые легковушки, хрустящие брызги стекла под ногами. К едкому запаху гари примешан кислотный аромат пороха, словно над полем битвы. И кровь — везде, тут и там, пятна и целые лужи. Некоторые совсем свежие — ярко-алые в центре и потемневшие, свернувшиеся по краям. Иногда среди крови — растоптанные “колорадские” ленточки. Ветерок гоняет обрывки бинтов и какого-то грязного, цветного тряпья. Хлуст всматривается и понимает, что это разорванная на лоскуты футболка с гербом Одессы. Кажется, кто-то пытался сделать из неё жгут для перевязки.

А ещё среди выдернутых из мостовой бульжников катаются под ногой почернелые цилиндрики — гильзы от свето-шумовых гранат. Милицейские? Вряд ли... Хлуст поднимает одну и узнаёт маркировку. Десять ящиков таких же вчера в Киеве он с побратимами загружал в фуру. Видно, что груз доехал, как надо!

Хлуст напряжённо вслушивается, ожидая разобрать звуки близкой схватки. Но через считанные минуты понимает, что опоздал. Никого уже

здесь нет. Даже в торговом центре “Афина” — всё пусто и мертво. Лишь одинокий мрачный охранник курит возле разбитой витрины. Перешагнуть через остатки баррикады и задать ему пару вопросов? Но тот оборачивается на хруст стекла, и сразу становится неуютно под его взглядом.

О чём с ним вообще можно говорить? О том, что “проклятые бандеровцы” разгромили центр его родного города? Ну, уж нет, Хлуст сегодня достаточно наслушался “ватников”. И так ясно, без всяких уточнений. Закончив здесь, хлопцы двинулись на Куликово поле. А значит, скоро всё решится, Одесса будет украинской. Только украинской и ничьей другой!

Обойдя торговый центр, он сворачивает на улицу Бунина, идёт к автобусной остановке. Но, передохнув на ступеньках крыльца закрытого магазинчика, Хлуст осознаёт, что маршрутки ему не дожидаться. Улица пустынная, наверняка водители объезжают это ещё недавно горячее место за несколько кварталов. Значит, опять придётся топтать пешком. Он морщится. Глупо получилось! Конечно, надо было сразу двигать напрямик в сторону Дома профсоюзов — туда-то наверняка что-то ещё ходит.

Хлуст закрывает глаза, оценивая предстоящий путь. Сперва до Ришельевской, там на любой транспорт в сторону вокзала, а от вокзала рукой подать до Куликова поля... Вдыхает и встаёт с крыльца. Голова опять начинает кружиться. Но это пустяки. Единственное, от чего охватывает лёгкая досада, — пока он будет добираться, там тоже наступит финал.

В сущности, всё уже решено. Наверняка после Греческой большая часть “сепаров” трусливо разбегутся. А тех упёртых, кто не осознал, кому теперь принадлежит город, чуток помнут и разгонят по домам. Палаточный лагерь Антимайдана снесут, водрузят над площадью украинский флаг, и несколько авторитетных вожakov скажут хлопцам пару слов. Будет здорово, по-настоящему празднично! Но в сущности, даже если он опоздает к этому моменту, — не так уж страшно.

“Перемога!” — вот что главное. Вот что придаёт Хлусту силы, пошатываясь, как пьяному, топтать через разгромленные безлюдные кварталы, указывающие путь ультрасов в сторону вражеского лагеря. С направлением трудно ошибиться. Правда, скоро этих отметин становится меньше — только отдельные уничтоженные рекламные щиты с агитацией регионалов и разбитые витрины магазинов, чем-то привлёкшие внимание хлопцев. На смену запахам гари и пороха опять приходит густой, будто вино, аромат весеннего цветения. От сотен деревьев, от клумб, даже от кадок с зеленью, кое-где выставленных у распахнутых окон.

Город у моря продолжает жить, ещё не чувствуя свершившейся в его сердце перемены. И кажется, что даже здесь, вдали от волн, можно уловить пропитанный солью бриз, уловить протяжный рёв теплоходов, как голоса больших и добрых зверей. Город остаётся собой, как огромный каменный цветок на тёплом берегу.

В сущности, Хлуст по-настоящему его любит: и пронизанные вечерним солнцем набережные, и парки, и нарядные бульвары. И протянувшуюся на задворках вдали от моря, вечно пыльную, родную Молдаванку. Не парадную, зато весёлую, где на хлипких балконах качается бельё, как лоскуты парусов, надувающихся на ветру. Или как знамёна сказочных королевств, о которых он грезил когда-то ребёнком.

Сколько раз проходил он под этими балконами, вдыхая аромат “свечек” каштанов, смешанный с запахом жареной рыбы из раскрытых окон. Этот город всегда останется с ним, будто яд или лекарство, растворённое в его крови, словно небо у него над головой. Во снах и наяву.

А обширный трёхэтажный дом — где-то там, на улице генерала Ватутина, — с покосившейся скамейкой у входа, с шелковицей во дворе, как в детстве, кажется почти центром Вселенной. Самым главным на Земле местом, где память до краёв наполнена теплом и светом. Местом, где всегда тебя ждут. “Только тебя...” И пусть мир распахнулся до неведомых высот и бездонных провалов, но разве изменилось главное? Разве он сам — не тот, что и прежде?

Хлуст оглядывается, чувствуя, как радостно бьётся сердце. Будто мысленно твердит: “Я вернулся, вернулся, слышите вы?” — каштанам и старым домам, улочкам и бульварам. Огромному чистому небу. И древней шелковице на улице Ватутина. “Вернулся, чтобы опять сделать этот город своим!” Он почти не замечает, что улицы становятся безлюдны и больше нету распахнутых окон — даже занавески наглухо задёрнуты. А одинокие автомобили пролетают район на большой скорости.

Маршруток по-прежнему нет, только Хлуста это не огорчает. Не так уж и долго топтать до вокзала. “А там — рукой подать до логовища “сепаров”...”

Несколько раз он пытается воспользоваться мобильниками одиноких прохожих:

— Всего один звонок — очень прошу!

Номера двоих побратимов он всё-таки не забыл — и значит, через них можно было б сообщить Ворону, что он не прячется, как жалкий зрадник, и скоро будет на месте. Но прохожие шарахаются от Хлуста в сторону, может, из-за рваной, замызанной кофты с чужого плеча? Из-за его лица с синяками, ссадинами и перебинтованной головы... А может, из-за улыбки на губах? “Вот придурки — им-то чего бояться?!”

Он насмешливо трясёт головой. “Ну и плевать! Обойдусь!” Пусть, как крысы, прячутся по норам. Ему, защитнику нации, с ними не по пути. Тем более что по звукам Хлуст начинает понимать — ещё не кончилось! На углу Ришельевской и Базарной он улавливает гулкий грохот взрывающих петард, дойдя до Малой Арнаутской, ясно различает сухую трескотню выстрелов и отдалённый, как звуки прибоя, шум людских голосов. “Воюют хлопцы!”

Ускоряя шаг, он почти бежит мимо закрытого кафе “Мистер Сэндвич”, мимо нарядного Пантелеймоновского собора, похожего на розовый в закатном солнце дворец. Через привокзальный сквер, наискосок прямым через перекрёсток — благо, машин почти нет — на вымощенный булыжником широкий проезд между ярко-зелёными облаками. Это майская листва трепещет на ветру, будто мириады праздничных флажков. Это ветки слегка покачиваются в такт яростному кличу, рвущемуся из тысяч глоток: “Украина по-над усэ!” И людская масса, заполняющая всю площадь, готова распахнуть свои объятия. И сердце растворяется в мощном хоре голосов.

“Да, только так: выше всего! Как древнее солнце в небесах. Выше отдельной жизни, выше страха и слабости!” Хлуст сбегает на Куликово поле и ошалело оглядывается по сторонам. “Сепарских” палаток уже нет — вместо них куча обгорелого тряпья. Среди разбросанных досок, разорванных плакатов, рядом с остатками сцены, где, наверное, ещё утром был концерт, валяется затоптанный лоскут от красного знамени Победы. Хрустят под ногами щепки разбитых икон. Пылают остатки баррикады у центрального входа в Дом профсоюзов. А радостная толпа продолжает швырять коктейли Молотова в двери, в окна.

Значит, “колорады” отступили туда! Кто-то мечется по ту сторону разбитых рам на втором и третьем этаже, кажется, пытается тушить? Ну, уж нет! Побратимы меткой стрельбой из пистолетов и дробовиков отгоняют засевшую внутри сволочь от оконных проёмов. Пламя уже охватывает второй этаж, внизу пылают главные двери, и какой-то дюжий хлопец бросает прямо в огонь тяжеленную покрывку — теперь не погаснет, теперь “сепарам” пора выходить с поднятыми руками, благо боковые крылья здания пожаром не тронуты.

Пламя вспыхивает ярче — как знак очищения, словно всё ненавистное прошлое сегодня превращается в дым. Под ликующий вой толпы горит “империя”, до пепла сгорает “совок”. “Ничего не оставить — даже памяти!” И голос Хлуста звенит в общем хоре:

— Так им! Поддай ещё!

В этот миг он свято верит, что будущее принадлежит молодым и сильным. А значит, оно должно быть прекрасным, как наполненный свежестью ураган!

Какая-то возня рядом, крик боли. Хлуст оборачивается. Двое побратимов с красно-чёрными лентами тащат залитого кровью человека. Под одобрительный гогот фанатов в шарфиках “Черноморца” швыряют раненого на

асфальт, топчут ногами. И это неправильно. Настолько неправильно, что Хлуст вздрагивает:

— Стойте... Так нельзя!

— А так можно? — смеётся детина в каске и бронежилете. И бьёт лежащего подошвой ботинка в лицо.

— Хватит! — кричит Хлуст, расталкивая толпу, отодвигая крепкие плечи “ультрасов”. — Не смей!

Юные фанаты недоуменно оглядываются. Один даже замахивается бейсбольной битой. Хлуст успевает её перехватить в воздухе. Детина в бронежилете угрожающе надвигается:

— Что, сука, тоже “сепар”?!

Толпа вокруг за один миг превращается в атакующую стаю, сразу несколько человек бросаются на Хлуста с разных сторон, кто-то хватается за руки, кто-то бьёт кулаком в живот, кто-то в этой толчее уже целится в висок тяжёлой битой.

— Ещё “сепара” поймали! — радостно орёт рядом молодой, почти мальчишеский голосок.

6

Крики, удары, плевки. Толпа беснуется от радостной злости — так, словно переключившись с полумёртвого пленного на ещё не добытого Хлуста, она ощутила прилив энергии.

— Вали “колорада”! Мочи его! — возбуждённо орут крепкие юнцы в шарфиках “Черноморца”, и теперь не вырваться, не объяснить...

— Стоп! — вдруг перекрикивает кто-то этот хищный хор. Бесцеремонно расшвыривает толпу “ультрасов”. И странно, но они не сопротивляются, наверное, слишком хорошо знают голос? Расступаются, ослабляют хватку, как вышколенные псы.

И, наконец, удаётся рассмотреть хмурое лицо спасителя:

— Какой же это “сепар”, идиоты? Это же свой, это Хлуст!

В глазах Лосяря читается искренняя радость. Придвинувшись своей массивной фигурой, он небрежно отпихивает пару фанатов, ещё пытающихся удерживать Хлуста за руки, и обнимает старого товарища. Тот пытается улыбнуться в ответ, но морщится от боли.

— Что такое?

— Рёбра...

— Извини, — торопливо ослабляет хватку Лосяря. — Опять, как в Киеве?

— Хуже...

— Ага, паскудно выглядишь. Но кости срастутся, — подмигивает лукаво. — Главное, мозги на месте!

— Откуда знать, что он свой? — недовольно бормочет детина в каске и бронежилете. — Нечего было за “сепаров” заступаться...

— А он правильно вам сказал, дебилы! — огрызается Лосяря, — Пленных сначала допрашивают. Всё остальное — потом!

“Ультрасы” виновато молчат. Раненого волокут куда-то на газон. Но главное, уже не бьют. Лосяря не оглядывается, в сущности, ему без разницы. Сейчас заместитель вожака первой сотни внимательно всматривается в лицо товарища:

— Знаешь, а я реально думал — тебя нет в живых. У нас тут странная информация... И Ворон полдня тебя разыскивает.

— Где он? — спохватывается Хлуст.

— Там. — Лосяря кивает в сторону бокового крыла Дома профсоюзов. — Наверное, уже внутри, наши сломали левые двери.

— Пошли!

Они торопливо протискиваются через толпу. Лосяря топают впереди, бесцеремонно прокладывая дорогу, почти расталкивая всех на пути. Но никто не возмущается, красно-чёрная повязка с “волчьим крюком” расчищает дорогу не хуже кулаков. Хлуст оглядывается — радостный гул опять накрыл

Куликово поле. Что такое? Человеческие фигуры выбираются на узкий карниз второго этажа. Дым валит рядом из распахнутого окна. Значит, огонь теперь на лестнице, пожар отрезал пути к отступлению...

Сухие хлопки выстрелов. Пули бьют в стену — совсем рядом с беспомощно застывшими фигурами. Толпа радостно хохочет в тысячи глоток.

— Так нельзя! — морщится Хлуст. — Нельзя...

— Плевать, — отмахивается Лосяра. — Наши уже внутри!

Они поворачивают за угол, проходят вдоль бокового крыла. Уже видно массивное каменное крыльцо у левого угла здания, над ним косо свисает вышибленная дверь. Весёлые хлопцы в балаклавах с дубинами и железными трубами проворно взбегают по ступеням и ныряют в сумрак по ту сторону дверного проёма. Хлуст бросается вслед за ними, но Лосяра придерживает его за плечо:

— Куда — с голыми руками?! Сперва подыщем для тебя инструмент!

Заместитель вожака сотни опять исчезает в людской толчее. А Хлуст нетерпеливо переминается возле крыльца, вслушиваясь в гортанные злые крики, в сдавленные вопли, долетающие изнутри. Он думает, о чём говорить наставнику, какие подобрать правильные и точные слова, чтоб ему поверили. Но вместо слов в голове пустота, а перед глазами опять человеческие фигуры на узком карнизе — те, у которых пламя за спиной и гогочущая толпа внизу. Отсюда их не видно. Но Хлуст точно знает, что шатающиеся фигуры там — за углом здания. И крик: “Смэрть ворогам!” — летит, как приговор. Хлопают выстрелы, вышибая каменную крошку из стены. А если вернуться на каких-то пару десятков шагов назад, удастся хорошо рассмотреть белые от ужаса лица.

Там, вверху, на карнизе... Хватит! Хлуст отворачивается, закрывая глаза. “Плевать! Лосяра прав!” Не о том надо думать. Слишком многое зависит от предстоящего объяснения с Вороном.

Он бережно касается браслета у себя на левом запястье. Выгнутые из проволоки буквы “LOVE” давали ему надежду все последние часы. А сейчас... Глухая нарастающая тревога сжимает сердце. И хочется, не дождавшись Лосяру, броситься в сумрак по ту сторону сломанных дверей...

Кто-то касается его плеча. Хлуст вздрагивает, оборачиваясь. Но это всего лишь вернулся побратим:

— Что, казак, заскучал? Ничего, теперь будет развлекуха!

Заместитель вожака сотни явился с двумя палками в руках — одну сразу вручает Хлусту. Повязывает ему на рукав жёлто-голубую ленту, смеётся:

— Это чтоб хлопцы опять тебя не перепутали!

Кажется, что радостное возбуждение распирает и без того крупную фигуру Лосяры. Его ноздри жадно раздуваются, улавливая едкий запах гари:

— А что, братишка, здесь ещё круче, чем в Киеве?!

— Наверное...

— Пошли!

Они взбегают по массивным ступеням и через секунду оказываются внутри. Хлусту чудилось, что придётся пробираться в полумраке, задыхаясь от висящего в воздухе дыма. Но когда они проходят маленький холл, оказывается, что в левом крыле светло, горят лампочки, да и дышится относительно легко. Очевидно, что серые клубы, снаружи окутавшие здание — пока только от пожара в центральной части. А здесь просто воняет гарью и палёной пластмассой, наверное, запахи просачиваются по коридорам.

Скорее всего, там, у большой лестницы напротив главного входа, набирает силу настоящий огненный смерч. Ведь снаружи летят всё новые бутылки с кустарным напалмом. А ещё — с самодельными химическими зарядами, которые Хлуст вчера вечером загружал в машину с одесскими номерами. “Всё пригодились!” Приторный запах можно угадать и на расстоянии, даже через едкую вонь пластика...

Значит, там, за дверями в конце коридора, начинается настоящий, смертельный ад — даже в тех комнатах у фасада, куда не дошёл огонь. Без противогаса лучше даже не соваться! Хорошо, что им туда не надо. В левом крыле совсем другие заботы — там, возбужденно переговариваясь, активисты

в балаклавах с дубинами и ножами один за другим вскрывают кабинеты. А Лосяра с Хлустом проходят мимо, к боковой лестнице, поднимаются наверх, где опрокинутые стол, стул и пара разбросанных тумбочек изображают баррикаду. Не очень внушительно. Или “сепары” не успели подготовить оборону? Слово они оказались внутри Дома профсоюзов совсем недавно, буквально перед прибытием украинских патриотов.

Тем хуже для них! Хрустит под десятками ног битое стекло. С третьего этажа долетают яростные голоса, удары и трещит дерево — кто-то ломает ещё один замок? Хлопают выстрелы. Двое побратимов в балаклавах и бронежилетах волокут вниз по лестнице парня с разбитым лицом — тот пытается уцепиться за перила и получает от Лосяры бейсбольной битой по пальцам.

Одно движение, зато точное — звук переломанных костей угадывается так ясно, что у Хлуста начинают ныть травмированные рёбра. Пленный кричит от боли, а хлопцы смеются — искренне, будто от невинной шутки.

— Куда его? — спрашивает заместитель вожака.

— Этого вниз, в подвал. Ворон лично проводит селекцию!

— Можно сказать, естественный отбор, — с ухмылкой кивает Лосяра, перешагивая остатки баррикады.

Они проходят третий этаж и поднимаются ещё выше. Туда, откуда продолжают доноситься крики и удары. Схватка в самом разгаре? “Сейчас!” — мелькает в голове у Хлуста, руки сами собой крепче сжимают черенок от лопаты. Сердце бьётся тревожно и радостно. Вверх, вверх по ступеням с красными отметинами, будто под ногами высланная кровью лестница героев — отсюда и прямо в небо!

У входа на площадку ещё один зародыш баррикады из тумбочек и опрокинутого шкафа — там дежурит пара крепких парней в масках и с пистолетами. Но Лосяру, конечно, пропускают. А вслед за ним и Хлуст врывается на четвёртый этаж. Он ожидает увидеть здесь крутой “махач” между побратимами и осатанелыми “колорадами”. А в коридоре только свои разгоряченные хлопцы с бейсбольными битами и пистолетами. Одни вышибают двери, другие тащат бутылки с самодельным напалмом, кто-то просто, переминаясь в толчее, хрипло матерится...

Где же враг? Засел в кабинетах? Какой-то шум впереди справа — грохот опрокинутого стола? Хлуст бросается через взломанную дверь. Но внутри лишь радостная толпа побратимов. С треском распахивают окно, и жёлто-голубое полотнище на древке взмывает над площадью. Толпа снаружи отвечает ликующим рёвом.

— Слава Украине! — выкрикивает в небо над Одессой юный хлопц с “волчьим крюком” на рукаве. И тысячи молодых голосов отвечают слаженным, мощным хором, словно гром бьётся о сумеречные облака над площадью: — Героям слава!

И у всех — на площади и в комнате — ясное чувство, что сегодня именно они те самые герои — те, кто яростным ударом сломил волю “ватного” города, кто сегодня по праву заработал свою “славу” и “пэрэмогу”! Это дороже, чем все богатства. Круче, чем полёт на мотоцикле через ночные проспекты. Это “вставляет” сильнее, чем тройная доза амфетамина, — полное единство с тысячами незнакомых людей, слияние разумов в общем порыве, растворение без остатка в не знающей преград воле Движения!

Хлуст прислоняется плечом к стене — голова идёт кругом. То ли от контузии, то ли от того, что он ясно понимает: именно ради таких минут стоит жить. Это и есть настоящая свобода, ради которой боролись и умерли хлопцы на Майдане. Водоворот последних событий пролетает в памяти. Столько ошибок и нелепостей за длинный майский день. Но ведь не зря? Всё было не зря!

— Героям слава... — шепчет Хлуст. И даже не сразу слышит зовущий его голос. Резко оборачивается. Встречается глазами с замершим в дверях Вороном. Целую секунду они смотрят друг на друга. Хлуст — почти со страхом, слишком много он успел наломать дров. А наставник... Это кажется удивительным, но нет в его взгляде ни гнева, ни осуждения. Только радость и лёгкая укоризна:

— Где же тебя носило, сынок?

И руки раскинуты навстречу, словно правда отец дождался блудного сына. Больше, чем отец! Хлуст шагает навстречу и оказывается в осторожных объятиях:

— Как ты, хлопчик? Помяли тебя наши дураки?

— Я сам... сам виноват!

Он сбивчиво начинает рассказывать — всё, что с ним случилось с того момента, как он сел в маршрутку у стадиона “Черноморец”. Вместе они выходят в коридор — Хлуст чувствует тёплую руку наставника на своём плече. И постепенно собирается с мыслями, стараясь не упустить детали. Точно описывает рыжую спутницу спасённого им “колорада”, вспоминает такси, на котором те уехали:

— ...Синяя “тойота”. Последние две цифры номера 27 или 21... Да, 21, — это точно!

— А водитель — молодой, старый? Есть особые приметы? Думай, Олэкса! Найдём таксиста — легче будет отследить, в какую нору они заныкались.

— Вроде молодой, в красной бейсболке. Больше ничего не помню, — виновато вздыхает Хлуст, — После отключения башка вообще, как в тумане...

— Ладно, не заморачивайся, всё равно от нас не уйдут, — в голосе Ворона нет раздражения. А в коридоре продолжается хаотичная суета. Несколько дверей уже взломаны, ещё пара, кажется, забаррикадированы изнутри. Теперь часть хлопцев торопливо обыскивают кабинеты, остальные пытаются пробиться в комнаты рядом, снося хилые “сепарские” баррикады.

Опять удары, ругань. И отчаянный женский крик. Хлуст вздрагивает.

— Фигня, — усмехается наставник. — Просто хлопцы пуганули “сепаршу”.

— А-а-а!!! Помогите, люди!

В окно она кричит? Толпа снаружи отвечает свистом и хохотом.

— Да заткни эту дуру! — ругается один из командиров звеньев. Вероятно, у какой-то нервной тётки и правда случилась истерика. Ну, и пусть. Ведь Ворон спокоен. Самое время вспомнить о главном...

— Ещё что-то?

Хлуст торопливо кивает. Опять машинально касается браслета из проволоки, выгнутой буквами “LOVE”, у себя на левом запястье. Начинает говорить, и голос его предательски дрожит. А Ворон кажется удивлённым:

— Что за Катя — та самая?

— Да, мы должны были встретиться перед тем, как всё завертелось. Но она вообще ни при чём. И если Чуб со своими хлопцами...

— Помогите!

Падает что-то тяжёлое. Хлопцы матерятся. В коридоре опять начинается суета — пара человек пробегают с палками, один — с тяжёлым ломом наперевес. Трещит сломанная дверь. Звенит разбитое стекло.

— Помогите! Помогите! А-а-а! — женский крик переходит в какой-то сдвинутый визг, хрип.

Хлуст застывает, вслушиваясь. А с площади долетает многоголосое: “У-кра-и-на! У-кра-и-на!” Наставник чуть улыбается. Значит, всё идёт как надо? Ведь там, снаружи, был беспредел юных отморожков, а здесь-то ситуация под контролем. И как бы ни истерили бестолковые “сепары”, — скоро их выведут из начинающего пылать, задымлённого здания для их же безопасности...

Хлуст проглатывает комок в горле. Хватит крови! Больше в Одессе никто не должен гибнуть — теперь, когда они победили. Хрипло уточняет:

— Чуб и его хлопцы забрали мой телефон. И если Катя позвонила...

— Делать ему больше нечего, как охотиться на твоих подружек. Видишь, сегодня и без того хватает забот!

— Её могли привезти в штаб.

— Нет, меня бы известили. И брось так переживать, может, она того не стоит? — Ворон подмигивает. — Лучшие девушки Одессы сегодня с нами — сам глянь в окно на площадь!

— Я знаю, — бормочет Хлуст. — Но мне они не нужны. И если я виновен — готов искупить, а Катя...

— Да всё будет нормально — поверь моему опыту!

И правда, с чего бы ему психовать? Неужели из-за того, что зелёно-синие плетённые шнурочки то холодят, то обжигают его левое запястье? В этом нет логики — просто расшалившиеся нервы. “Найдётся она, обязательно найдётся — не сегодня, так завтра!”

— А насчёт искупить... — Ладонь наставника опять мягко ложится ему на плечо. — Я ведь не считаю тебя предателем. Поначалу кто угодно может растеряться. Думаешь, в Чечне мы сразу стали лихими воинами?

Хлуст помнит рассказы о том, как в борьбе с москальскими ордами крепла воля будущих основателей Движения. И он многое бы отдал, чтоб хоть чуток быть на них похожим.

Голова опять начинает кружиться. Но он не подаёт виду. И внимательно ловит каждое слово наставника:

— Я на твоей стороне, Олэкса. Есть лишь одна загвоздка. Побратимы тоже должны в тебя поверить...

Хлуст поднимает глаза на Ворона и чувствует пристальное внимание в его зрачках:

— ...Ты ведь помнишь, в чём наша сила? В любой, даже неравной схватке ты, как самому себе, доверяешь товарищу. Именно он прикроет тебе спину, вынесет тебя раненого и никогда не предаст. Кто мы без этой связи, без этой веры? Никто и ничто. Жалкая кучка погромщиков, которую разгонит даже вольнский “Беркут”. Понимаешь это, Олэкса?

— Да.

— Готов ты доказать побратимам, что больше не отступишь, что пойдёшь вместе с ними до самого конца?

— Пойду!

— ...И если надо — до сердца самой глубокой бездны, не жалея ни врагов, ни себя — ради Украины?

— Да... Да!

Разве мог быть иной ответ? “Душу й тило!” Хлуст ждёт, что сейчас Ворон намекнёт на какое-то особо опасное задание, например, пробраться в оккупированный “сепарами” Славянск и прикончить ненавистного Стрелка. Но вместо этого наставник за плечо ведёт его вперёд, к несколько взломанным дверям. Ещё недавно оттуда долетали звуки борьбы, вскрики, хлопки выстрелов и удары. А сейчас всё перекрывает мощный хор с площади:

— Украина по-над усэ!

Пока Хлуст и Ворон идут по коридору, через разбитые окна в кабинетах порывами долетает едкий дым, кажется, от центрального входа. И гарью сильнее начинает вонять откуда-то с лестницы.

— Пора уже всех выводить...

— Что? — непонимающе переспрашивает наставник.

Хлуст хочет повторить, но слова застревают в глотке, потому что в кабинете, мимо которого они идут, выбитая дверь широко распахнута. И там, внутри, какой-то побратим аккуратно разматывает длинный белый провод с шеи опрокинутой на стол женщины — неподвижной женщины с неестественно повернутой головой...

Хлуст будто спотыкается на ровном паркете. Но им не сюда. Ворон спокойно направляет его к двери в соседнюю комнату. Электричество выключено, зато вечернего света с улицы достаточно, чтобы узнать высокую фигуру, стоящую ближе к окну. Чуб?! С пистолетом в руке и кривой ухмылкой на губах. Ещё несколько парней в масках-балаклавах лениво помахивают бейсбольными битами.

Хлуст вздрагивает, но почти сразу понимает — эти пятеро собрались здесь не только ради него. Опрокинутые столы и стулья сдвинуты в одну кучу. И в дальнем от окон сумрачном углу угадываются ещё люди. Трудно понять, сколько их. Плотной массой они сидят на полу. Похоже, что хлопцы с битами загнали их в угол, словно в западню. А те, кто пытался сопротивляться, лежат посреди комнаты. Мужчина и молодой парень — оба в лужах

собственной крови. Рука парня до сих пор стискивает оторванную ножку стула, единственное его “оружие”. На виске мужчины ясно можно различить пулевое отверстие.

“Зачем?” — хочется крикнуть в лицо Чубу. Неужели много геройства в том, чтоб застрелить безоружных? Но озвучить вопрос Хлуст не успевает.

— Начинайте, — сухо командует Ворон.

Один из парней в балаклавах поднимает с пола пластиковую канистру, отвинчивает крышку, и в воздухе угадывается резкий, знакомый ещё со времён Майдана запах — в памяти сразу всплывает рецепт: “20 частей пенопласта растворить в одной части ацетона, долить бензина в соотношении 1:1 и тщательно размешать”. Кустарный напалм. Дешёвый и смертельно эффективный. Когда-то Хлуст с товарищами соорудил в одном из киевских подвалов настоящий мини-цех по его изготовлению. Заработал от Ворона благодарность перед всей сотней. А “Беркуту” тогда немало довелось отведать этого липнущего к коже и ткани, прожигающего до костей “коктейля”.

Но какого лешего дурачок в маске играет с этим здесь — в набитой людьми комнате? Он что, совсем сдурел?! Хлуст дёргается, роняя свою палку, собираясь вырвать канистру из рук хлопца. Но пальцы Ворона твёрдо стискивают его плечо:

— Погоди...

А побратим в “балаклаве” делает шаг к людской массе, колыхнувшейся в углу. И методично начинает выплёскивать густое, как кисель, содержимое канистры на головы и плечи людей.

— Что... что вы творите? — Старик с краю пытается вскочить на ноги.

— Сидеть! — рявкает “Чуб”. И жмёт на спуск пистолета — будто маленький раскат грома. Пуля вышибает штукатурку в считанных сантиметрах над головами пленных. — Я сказал, сидеть, твари!

— Ворон! — растерянно выдавливают Хлуст, — Останови это!

— Зачем? Всё только начинается.

Хотя форточка распахнута, удушливая вонь бензина и ацетона повисает в воздухе. Люди, которых обливают напалмом, пытаются закрыть лица ладонями, кто-то отплёвывается, кто-то ругается, кто-то судорожно дышит, будто в приступе астмы.

— Я сказал: не двигаться!

“Почему они не просят о пощаде?” — бьётся в голове у Хлуста лихорадочная мысль. Ведь достаточно одной искры, одного тлеющего уголька! А в комнате воцаряется безмолвие, и разобрать можно только шёпот молитвы. На секунду ему чудится, что всё не по-настоящему. Будто это какая-то дикая игра, морок, наваждение.

— Ворон, пожалуйста! Я не понимаю...

— Сейчас поймёшь.

Хлопец в маске отступает с опрокинутой канистрой, так что вязкая полоса напалма тянется за ним к мёртвым телам в центре комнаты — он небрежно вытряхивает на них остатки содержимого, как на кучу мусора.

— У-кра-и-на! У-кра-и-на! — продолжает долетать с улицы. И кто-то в углу начинает тихо всхлипывать. Женщина... Девочка? Отсюда не различить. Потому что сумерки сгустились на улице, или просто потемнело у Хлуста в глазах? Словно комната медленно опускается в бездну...

Это не может быть реальностью. Это должно быть сном или бредом! Но голос Ворона настолько отчётлив, будто каждое его слово отлито в тяжёлом свинце:

— Сегодня ты помог спастись врагу нации. Ты говорил — это случайно, обещал доказать свою верность побратимам! Теперь у тебя есть такой шанс!

Чуб скалитесь и бросает что-то в сторону Хлуста. Тот машинально ловит. И не осмеливается раскрыть ладонь. Его мутит от запаха напалма. Он хочет вырваться, бежать из этой проклятой комнаты. Но голос продолжает звучать рядом — негромкий, почти равнодушный:

— До самого сердца бездны — помнишь? Докажи, что ты с нами, а не с ними!

И Хлуст разжимает пальцы. Несколько секунд, будто не веря глазам, смотрит на свою руку. Там, у него в ладони — коробок спичек.

Этот почти невесомый груз обжигает ладонь. И хочется его отшвырнуть. Но нельзя... Будто цветной картон уже прирос к коже. Хлуст знает, что где-то в стороне от площади Одесса ещё осталась прежней — волшебным светятся лепестки на каштанах, идут по синей глади белые теплоходы. И у прекрасного, как дворец, вокзала, усталые электрички распахивают двери, выпуская дачников с тележками и рюкзаками — мирных, расслабленных от майского тепла...

Так близко, но словно в другой вселенной. Убитые люди, кровь на паркетном полу, и горячая смесь, выплескивающаяся на головы живых, стекающая по их лицам и волосам. Разве реально такое посреди доброго, безмятежного города? Хлуст тяжело приваливается к стене — будто земля вместе с этим огромным, обречённым зданием выскальзывает из-под ног. А голос звучит рядом — почти равнодушный, но неумолимый:

— Сделай так, чтобы тебе поверили!

Поверили? Как? Или он просто чего-то не понимает? И Хлуст расширенными глазами смотрит на Ворона. Пытается уловить хоть малейший намёк, хотя бы тень надежды, что это безумие теперь закончится. Но наставник молчит, а лицо его похоже на бесстрастную маску. Зато с ухмылкой говорит Чуб:

— Неужели так трудно чиркнуть спичкой?

Одуряющий запах напалма, кажется, пропитал всё в этой комнате. Он как проклятие, как обещание близкой боли и мучительной смерти. Чувствуя подкатывающую к горлу тошноту, Хлуст смотрит на коробок в своей руке.

— Не надо, парень, не бери грех на душу... — отчаянно шепчет старик. И опять порывается встать.

— Молчать, выродки! — сухо командует Чуб. — Пристрелю каждого, кто шелохнётся!

Они, правда, почти застывают, словно тени, полуживые силуэты в сумраке. Глаза привыкли, и Хлуст может яснее различить тех, что впереди, — тень старика в дешёвом хлопковом жилете, тень старухи в вязаной кофте, тень молодой женщины в светлом спортивном костюме, по которому, с её коротко стриженным волос, вязкий напалм расплзается тёмными потёками. Ещё кто-то угадывается в углу...

Хлуст чувствует взгляды — все смотрят на него с ужасом. И надеждой? Несчастные “ватные” придурки, чем-то напоминающие его родителей... Нет, он не желает для них такой лютой гибели! Но разве от него хоть что-то зависит?

Хлуст вздрагивает — всего пара шагов до выхода из комнаты. Ему ещё под силу вырваться, бежать! Он даже делает один из этих шагов. Но что-то во взгляде Ворона его останавливает — что-то похожее на презрительную жалость. И вдруг приходит ясность. Если сейчас он выскочит из этой комнаты — так и останется предателем. Больше никогда не сумеет смыть это клеймо! Навеки умрёт для наставника и побратимов. Да и вообще... умрёт. Ведь зачем жить тому, кто предал?

“До сердца самой глубокой бездны...” — опять всплывает в памяти. И дрожащими, неловкими пальцами Хлуст открывает коробок. Весёлый мультяшный казак, отпечатанный на картоне, кажется, ему подмигивает. Остаётся достать спичку... Вот так. И чиркнуть о коричневый бок коробка. Это ведь несложно. Желтоватый огонёк, вспыхнувший на конце спички — маленький, почти безобидный... Это так просто.

— Не надо, парень... — чуть слышно повторяет старик с георгиевской лентой, приколотой на кармане жилета. Сейчас она тоже пропиталась вылитым на него напалмом и свисает неуклюже, как и его волосы — слипшиеся от густой, как кисель, горячей смеси.

— Не бери грех!

Но Хлуст будто не замечает старика. Не видит никого в этой сумрачной комнате. Сейчас он смотрит только на Ворона. Вечерний свет через окно падает на фигуру наставника, ясно обозначая каждую чёрточку на его лице.

И Хлуст вот-вот надеется уловить точный знак. А может, услышать слово — всего одно, самое важное. Что уже хватит. Что теперь можно погасить спичку! Ведь он реально доказал, что готов на всё ради побратимов и Движения. Больше нет смысла рисковать жизнями этих глухих, но безобидных “колорадов”!

Хлуст ждёт — он уверен, что через секунду Ворон сам скажет об этом. Разгораясь, огонёк медленно сползает по спичке вниз. Сейчас... Сейчас!

— Хорош тормозить, — ухмыляется Чуб и бьёт Хлуста по руке.

Спичка выскальзывает из пальцев. Ему чудится, что целую вечность она летит по дуге. И ещё можно поймать её ладонями, ещё можно всё остановить. Хлуст бросается за крохотным огоньком, но кто-то крепко хватает его за плечо. И спичка падает в лужу напалма, натёкшую рядом с мёртвыми телами. Крохотный огонёк превращается в жадную волну огня — ту, что, не зная сомнений, охватывает тела убитых, по разлитой горючей смеси стремительно катится к сжавшимся в углу людям.

Одна секунда... И в озарённой жёлтыми языками огня комнате он в мельчайших подробностях успевает рассмотреть морщинки у остановившихся глаз старика, увидеть смешного котёнка на мокрой от напалма футболке молодой женщины, различить потемневший от времени серебряный крестик на шее старухи, который та сжимает двумя пальцами. А в углу, в самом углу позади всех — успевает заметить расширенные от ужаса глаза и смешно торчащие голубые бантики в пшеничных волосах.

Одна секунда, лишь одна... Прежде чем все они начинают превращаться в живые, кричащие от боли факелы. Нет больше комнаты посреди ослабленного южного города. Есть осколок ада, в котором обречённые люди мечутся, бьются в судорогах, пытаются сбить пламя. Но оно лишь охватывает их сильнее, взбираясь по пропитанной напалмом одежде. Горят волосы, чернеет, трескаясь, сожжённая кожа на руках. Объятая огнём, обезумевшая женщина бросается к дверям — хлопцы в балаклавах сшибают её с ног точными ударами бейсбольных бит. Гулко хлопает пистолет в руке Чуба, падает набок старик.

— Не тратьте патроны! — говорит кто-то. Неужели это голос наставника?! И плотной шеренгой надвигаясь на оставшихся людей, побратимы остервенело молотят битами, так что брызги горящего напалма разлетаются в стороны, пока крики не стихают.

Лишь продолжает кричать и хрипеть сам Хлуст, пытаясь вырваться из чих-то рук, сходя с ума от того, что взял на душу грех, от невыносимой мысли, что именно он зажжёт проклятую спичку. Но ничего уже не исправить. И даже умереть в том огне ему не дано: один из хлопцев, ловко орудуя огнетушителем, гасит языки пламени на застывших, почерневших телах и паркете. Всё произошло слишком быстро. Тёмные разводы на полу совсем не похожи на следы настоящего пожара. Даже голубой бант в пшеничных волосах не успел сгореть до конца...

И сколько бы Хлуст ни кричал — никто его не услышит. Ведь с площади, заглушая остальные звуки, из тысяч плоток продолжает лететь:

— У-кра-и-на! У-кра-и-на!

Там под восторженный свист расстреливают людей на карнизах и подоконниках, добивают палками вырвавшихся из огня. Бессмысленно звать на помощь. Ведь часть той, скандирующей Украины стоит здесь, над телами, помахивая окровавленными, законченными битами, и кривит губы в ухмылках:

— Смэрть ворогам!

— А баба-то хорошо прожарилась, с корочкой!

— Шашлык по-одесски! Может, попробуем кусочек?

Они смеются, нервно переминаясь вовсе не от страха, скорее от радостного возбуждения. словно запах горелой плоти, повисший в комнате, будоражит их не слабее вина. Один из хлопцев даже достаёт нож и склоняется над телом убитой женщины. То ли дурачится, то ли на самом деле хочет пробовать жареную человечину...

И Хлуст перестаёт хрипеть. Тошнота мучительным спазмом подкатывает к горлу, и его начинает рвать прямо на белые кроссовки тех, кто его держит.

— Тю, йолоп! — ругаются рядом.

— Уберите его отсюда, — приказывает Ворон. — И хватит уже дурковать! Тащите “колорадов” к центральной лестнице, в огонь. Только без противогазов не суйтеса!

Хлуста выволакивают в коридор, а в комнате с шутками-прибаутками начинается суета — будто все заняты неприятной, но, в сущности, обычной работой:

— За ноги бери!

— Этот ещё тёплый...

— Там, на лестнице докоптится!

Ясно звучит голос наставника:

— Стоп, бабку и девчонку не трогать! Завернёте в дерюгу и в подвал — потом, когда уляжется суета.

— Этого тоже в подвал? — спрашивает кто-то рядом. И через хаос мыслей, сквозь невыносимый, до судорог, ужас Хлуст улавливает, что речь идёт о нём. В голове мелькает картинка, как двое в балаклавах волокут вниз по лестнице пленного “колорада” — того, кому Лосяра сломал пальцы бейсбольной битой. Того ведь тоже тащили в подвал. Значит, именно там последняя станция — место, откуда не будет возврата. Десятки... сотни людей уже никогда не выйдут из Дома профсоюзов. И Хлуст — среди них?

Странно, но что-то вроде облегчения приходит от такой мысли. Он ведь на самом деле это заслужил — с проломленной головой или простреленной грудью лежать среди тех, кого погубил... Сейчас это почти милость: вечное забвение — без проклятого, тошнотворного запаха, без отчаянного вскрика женщины, без последнего взгляда той девочки!

Но Ворон качает головой:

— Оставьте его. Он доказал!

И Хлуст ошалело моргает, будто не веря. Неужели ничто для него не кончится? Бесконечно тянется минута. Хлопцы тащат мимо убитых людей. Лохмотьями свисает чёрная сгоревшая кожа, капает на паркет кровь... А он всё ещё жив. И будет жить дальше? Но как?!

От этой внезапной мысли хочется завывать по-волчьи, повисая на руках тех, кто продолжает его удерживать. Хлуст вздрагивает, безнадежно пытаясь вырваться. И самая большая его мечта в эти секунды — дотянуться до горла наставника. А тот лишь улыбается в ответ:

— Ты меня ненавидишь, Олэкса? Имеешь право. Ненависть — хорошее чувство, она даёт нам силы и указывает путь не хуже звёзд...

— Будь... ты проклят...

— Книжный мальчик с готовыми фразами, — вздыхает Ворон. И вдруг делает шаг, склоняя своё лицо почти вплотную к Хлусту. — Ты получил урок, но, кажется, его не усвоил? Ненавидь сколько угодно — меня, себя, всех, — главное уже не изменишь. Потому что и проклятие, и слава у нас общие. Потому что теперь ты один из нас!

Хлуст пытается плюнуть Ворону в лицо. И ничего не выходит — во рту сухо, как в пустыне. Наставник качает головой, отодвигаясь:

— Ты не будешь маяться чепухой. Не перережешь вены, не полезешь в петлю... Я знаю. Ты — умный и сильный. Одна беда — слишком добрый. Но это скоро пройдёт.

— Зачем... — не узнавая своего голоса, хрипит Хлуст, — зачем?

— Отпустите его, — небрежно взмахивает ладонью Ворон.

Два дюжих побратима недоумённо сопят и всё-таки разжимают мёртвую хватку. Оказывается, лишь это удерживало его на ногах, покачнувшись, Хлуст едва не падает. И сделав неловкий шаг, прислоняется к зеленоватой, чуть шершавой стене — она приятно холодит ладони. Кажется, целую вечность можно стоять, впитывая эту прохладу, особенно если закрыть глаза и остановить вращающийся вокруг коридор.

Только отдохнуть не удаётся. Ворон уже манит рукой:

— Сюда!

И, опираясь на стену, Хлуст упрямо ковыляет вслед за ненавистной фигурой в чёрной военной куртке. В голове чуть прояснилось, но голыми

руками ничего не сделаешь, просто не хватит сил. Разве что-то подвернётся в той комнате, куда они идут... Тяжёлое, удобное, чтоб одним ударом раскроить череп наставника!

Хлуст замирает у входа, озираясь в сумраке. Увы, ни вазы, ни подходящей глиняной кадки с цветами, которую удобно было бы швырнуть в голову. Обычный кабинет со взломанной дверью, в котором ничего, кроме скудной мебели и календаря на стене. Следов борьбы здесь почти нет, только на полу рядом с опрокинутым стулом — нелепо одинокая женская туфля. Наверное, слетела с ноги, когда хлопцы волокли тело. Шкаф с документами распахнут, выдвинуты ящики столов, валяются на полу и столешницах разбросанные бумаги — похоже, искали деньги или что-то ценное? А обнаружили только пачку печенья “Свитанок”, которую тут же неряшливо разорвали.

— Сюда! — нетерпеливо повторяет Ворон, шире распахивая окно.

И Хлуст подходит ближе, опираясь на столешницу, жадно ловя дуновение сквозняка — с запахом дыма, но всё равно, как глоток свободы, как напоминание о морской свежести, которая ещё сохранилась где-то далеко от этого обречённого дома.

— Смотри! — Наставник хватается его за плечо, почти подтаскивая к подоконнику.

Там, внизу, продолжает хаотично клубиться толпа. И ветерок колышет знамёна — те самые, под которыми они присягали — святые для Хлуста знамёна Державы и Движения. От такого зрелища он почти забывает об остро отточенном карандаше, прихваченном со стола, который только что собирался воткнуть в глаз Ворону.

Секунды тянутся бесконечно долго. Сухой комок подкатывает к горлу — до пелены перед глазами, до рвущей сердце тоски, будто там, среди ликующих юнцов, Хлуст увидел самого себя — того, каким он был лишь четверть часа назад. К дьяволу! Кончить всё одним ударом...

— Слава Украине! — вдруг выкрикивает наставник. И казавшаяся хаотичной толпа почти слаженно грохочет в ответ:

— Героям слава!

Отточенный карандаш выпадает из неловких пальцев. А хриплый, как воронье карканье, голос победно звучит рядом:

— Ты спрашивал — зачем? Вот тебе ответ! Думаешь, там просто несколько тысяч здоровых хлопцев, собранных под жёлто-синие и красно-чёрные флаги? Нет, это заново рождается Украина!

Ворон обводит глазами притихших побратимов, собравшихся в комнате. И качает головой:

— Не верьте тому, что написано в учебниках. Сегодня, а не в августе 1991-го! Не голосованием под фальшивую болтовню о демократии — только в реальной борьбе и крови! Когда сожжены мосты и нет дороги назад, когда своя и чужая ненависть наполняет всё смыслом...

Что-то упало в коридоре. Хлуст оборачивается. Там включили свет, и через распахнутую дверь видно, как двое хлопцев в балаклавах тащат очередной труп — волокут его прямо по полу, подхватив за чёрные, скрюченные руки, оставляя на паркете грязно-коричневый шлейф из ошметков кожи и одежды. Хлуст вздрагивает, когда будто случайно труп поворачивается в его сторону: тёмные, выгоревшие глазницы смотрят пристально, не мигая, а рот с обугленными губами скалит в немом крике. По уцелевшему ключку яркой футболки с котёнком он вдруг узнаёт ту молодую женщину, которая в последние свои секунды пыталась вырваться из смертельной комнаты.

“Наполняет всё смыслом?” — эхом в голове отдаются слова. И, перебарывая ужас, Хлуст честно пытается ощутить этот смысл. Но внутри — лишь обжигающая, как пепел, пустота.

Ворон замечает его взгляд и морщится:

— Нет больше стариков, женщин и детей. Есть только мы и они! Кто первым поймёт простую истину, тот и унаследует эту землю.

Хлуст молчит. Ведь всё, что мог, он уже прокричал и прохрипел. Наставник презрительно усмехается:

— А ты думал, что “смерть врагам” — это просто такая метафора?

Кто-то из побратимов щёлкает выключателем. Вспыхнувшая в комнате электрическая лампочка чудится Хлусту невыносимо яркой, как безжалостное искусственное солнце, высвечивающее каждую чёрточку на хмуром лице Ворона. И хриплый, каркающий голос звучит холодным металлом:

— Но если считаешь, что Украина того не стоит... Если думаешь, что я тебя предал, тогда... — коротким, уверенным движением он вдруг достаёт из подмышечной кобуры новенький “глок” и рукояткой протягивает Хлусту, — Возьми! Это лучше, чем отточенный карандаш!

“Карандаш? Всё-таки заметил?!” В комнате вдруг становится тихо. Хлуст заворожённо смотрит на рукоятку пистолета. И медленно начинает тянуться к ней пальцами. Хлопцы в балаклавах, кажется, перестают дышать. Один даже на полшага пятится к двери. Остальные не двигаются — лишь расширенными глазами следят за рукой Хлуста.

Но лицо Ворона остаётся каменно спокойным — ни одна морщинка не шелохнётся. Даже когда его пистолет переходит в чужую ладонь.

— Если учитель тебя обманул, пусти ему пулю в сердце. Или продырявь башку. Ведь самое мерзкое на свете — предать тех, кто поверил в победу нации, кто готов умереть за её свободу и честь!

Кажется, что сам воздух сгущается в комнате. И потому совсем негромкие слова звучат почти оглушительно:

— У врага тысяча обличий — у победы один путь. Идти по нему трудно, иногда муторно и противно... А чтоб случайно не замараться, лучше вообще не ходить. Вдруг раздавишь по дороге личинок “колорадов” или обидишь какую-то старую суку с коммунячьим флагом? Давай, жми на спуск... Если я так ошибался в тех, кого за собой веду, лучше мне сдохнуть прямо сейчас!

Хлуста колотит озноб. Лёгкий “глок” с удобной пластиковой рукояткой кажется тяжёлым, будто камень.

— Давай... — почти ласково повторяет Ворон.

И Хлуст медленно поднимает оружие, вглядываясь, как зачарованный, в единственную царапину на ствольной коробке. Нет, он не ищет тайного знака в простой закорючке на пластике... Просто человеку свойственно оттягивать неизбежное. Но нельзя это делать бесконечно.

Крепче обхватив рукоятку, он вскидывает пистолет. И резко давит чуть туговатую скобу спуска. Что-то щёлкает. И ничего. Тишина. Только сталь ствола холодит кожу на виске. Осечка? В гробовой тишине, продолжая целиться себе в голову, он вновь и вновь нажимает спуск.

Бесполезно. И, уронив руку с пистолетом, Хлуст медленно сползает по стене на пол, будто вдавливая спусковой крючок, он истратил остатки сил.

— Дурак! — морщится Ворон и отбирает “глок”. Жмёт кнопку на рукоятки, ловит в ладонь выпавший магазин и с лёгким щелчком вставляет внутрь новый — наверняка снаряженный боевыми патронами.

— Дура-а-ак, — повторяет укоризненно, пряча “глок” назад в подмышечную кобуру. — Настолько добрый, что готов вышибить себе мозги из-за нескольких поджаренных “ватников”? Неужели не понял — это только начало!

— Начало?

— Да. Ведь будут ещё тысячи, сотни тысяч... Миллионы! Молодых или старых, безнадежно отравленных империей. И всех придётся вычищать — одних быстро, как здесь, других — медленно, годами морить голодом и болезнями, заставляя бежать с нашей земли... Тебе противно? Многим тоже. Но нет иного способа вернуть себе Украину!

Хлуст закрывает глаза. Сердце бешено колотится. Хотя раньше голос наставника вселял в него уверенность. Он столько раз слышал про борьбу с москальщиной, про древнюю казацкую вольность, которую надо обрести в борьбе. И так здорово было чувствовать себя частью могучей возрождающейся силы. Почему же теперь ему страшно? Неужели он действительно трус и слабак?

— Эй, Чуб, смотри! — долетает из коридора удивлённый голос.

— В чём дело? — спокойно спрашивает Ворон, кажется, он выглянул из комнаты.

— А девчонка-то до сих пор жива!

— Делов-то... — смеётся кто-то в ответ.

— Стоп! — решительно командует наставник. — Не трожьте её.

И вдруг делает шаг назад в сторону Хлуста. Тот почти физически чувствует нависающую над собой фигуру и открывает глаза. На фоне яркой лампы Ворон смотрится тёмным силуэтом:

— Ты ведь у нас добрый, да? Помоги девочке!

— Как? — выдавливает Хлуст.

— Неужели трудно понять? Она ведь вся обгорела, с разбитой головой, а до сих пор дышит. И до сих пор зовёт маму... Глупо, слишком жестоко. Хватит ей мучиться!

Он что-то протягивает Хлусту. И тот растерянно моргает. Неверяще глядит на бейсбольную битку с чёрной обрезиненной рукояткой. Наверное, это ошибка? Но голос сверху звучит спокойно и уверенно:

— Давай, это реально доброе дело!

Опираясь на стену, Хлуст медленно поднимается с пола. В голове начинает шуметь, ноги кажутся ватными. Несколько секунд он смотрит в глаза наставника. И тот мрачно улыбается:

— А ты думал, что доброта — это всегда приятно? — и вкладывает бейсбольную битку в пальцы Хлуста.

Обрезиненная рукоятка удобная — не вываливается даже из потных ладоней. Даже свежая кровь не делает её скользкой. Но нет сил её держать — будто деревянная дубина в тысячу раз тяжелее свинца. Хлуст ясно успевает это ощутить — за миг до того, как проваливается в спасительное забытье...

Яркий свет бьёт через веки. Но глаза открывать не хочется. Дуновение воздуха шевелит короткий ёжик волос, — наверное, сквозняк. Это хорошо, приятно. Можно расслабиться, не чувствуя боли в треснувших рёбрах...

Странно. А ведь боли точно нет! И в голове прояснилось — не бухает гулко в висках. Но почему так тихо? Словно все вымерли там, на площади: не шумит толпа, не заводит её никто привычными лозунгами. И нет больше криков внутри обречённого дома... В этой блаженной тишине хочется часами лежать, не двигаясь. Только неожиданные отрывистые звуки вдруг обрывают безмолвие. “Чайки?” — успевает он удивиться за секунду до того, как кто-то касается его руки:

— Алёша!

Он вздрагивает, поднимая веки. Несколько секунд, утратив дар речи, смотрит на склонившееся над ним лицо.

— Катя?! — выдавливает не веря.

Приподнимается, изумлённо озираясь.

— Катя... — шепчет, как в бреду. — Я долго тебя искал. Так долго... Ты даже не представляешь!

Сжимает её руку, словно боится, что она вот-вот исчезнет.

Песчаный берег залит солнцем, кажется, это пляж “Отрада”. Ветерок гонит по морю лёгкую рябь, солнечные блики сверкают алмазными россыпями. Он понятия не имеет, как здесь оказался.

Ну и пусть! Амнезия, контузия, что угодно... Главное, что он уже далеко от Дома профсоюзов. А самая красивая девушка сейчас рядом, настолько близко, что можно угадать собственное отражение в её глазах.

И голос её звенит, как музыка:

— Я тоже хотела тебя увидеть, Алёша. Очень хотела... Поэтому меня отпустили ненадолго.

Отпустили? Она что, устроилась на работу? Студентов много где берут на полставки. Но не сейчас говорить об этом.

Полузабытый вкус её губ — он чувствует его, будто в самых сладких снах. Только это не сон. Когда они обнимаются, осязаемо ясно шуршит под ними песок. Всё настоящее. И тонкий аромат её каштановых волос, и тепло её кожи, от которого тает мешающая ему говорить колючая ледышка где-то внутри.

— Катя... — шепчет он, почти задыхаясь. Пару секунд ему даже хочется рассказать о том, что с ним было, прежде чем он здесь очнулся...

Стоп! О таком лучше молчать. Обо всём, что произошло. Он цепенеет от этой мысли, всматриваясь в глаза Кати. В них — свет и покой. Светом и покоем пронизано всё вокруг. Но близкая, пропахшая гарью бездна никуда не исчезла, он до сих пор её чувствует внутри. И кажется, если опустить веки, опять провалишься на самое дно.

Ледяные мурашки ползут по спине. Ведь если она узнает... Даже думать об этом не хочется!

— Катя... Наверное, у меня странный вид... сегодня трудный день... — он запинается.

День? Но ведь только что опускался вечер. Половина суток вылетела из памяти, и сегодня уже 3 мая? Или... есть другой ответ?

Внезапная ясность накатывает, заставляя ещё раз оглянуться вокруг. И он улыбается — теперь почти безмятежно, как человек, избавившийся от сомнений.

Не было! Ничего не было. Просто глупый бред... И как он мог поверить в такое? Здесь, в самом волшебном городе на свете, где воздух пронизан ароматами детства, где даже крикливые чайки над волнами кажутся родными существами.

Ведь вот она — реальность! Пляж с почти по-летнему нагретым песком. Ещё прохладное море под бескрайним небом. Вдали пара мальчишек-подростков бредёт по щиколотку в воде. Рыбак с удочкой сидит на длинном и шершавом бетонном пирсе, поросшем снизу зеленоватыми водорослями.

Ни смерти, ни ужаса. Ни бейсбольной биты с обрезиненной рукояткой... Не было! Он передёргивает плечами, отгоняя наваждение:

— Знаешь, а я ведь боялся, что сегодня мы уже не встретимся!

Радостно моргает, зарываясь лицом в её темные волосы. Если верить в себя, не заморачиваясь пустяками, лучшее всё-таки сбывается? Конечно, он смог её дожидаться — там, на их заветной скамейке.

А потом они вместе двинулись к морю. Сначала через прибрежные скверы, по “Трассе здоровья”, мимо велосипедистов, мамаш с колясками и бойких пенсионерок в спортивных костюмах. Дальше — под яркими кабинками фуникулёра, ползущими по тросам. И до самого пляжа спускались древней лестницей, по которой он бегал ещё сопливым первоклашкой. И которую столько раз они уже исходили вдвоём.

Надёжные, выщербленные ступени и тонкая ладонь в его руке, пока впереди не распахнулось море. Наверное, позже не обязательно об этом вспомнит. И ещё о многом другом — светлом, дающем надежду.

А сейчас... Они сидят рядом на тёплом песке, как самые близкие в целом мире. Вопреки всему, что пытались их разделить. И это главное.

— Теперь всё обязательно наладится! — шепчет он, целуя волосы Кати.

А она тихо отзывается:

— Уже нет, Алёша.

Он вздрагивает, будто не веря. И медленно, не выпуская её из объятий, отстраняется, заглядывая в её зрачки. Может, ему послышалось? Но глаза Кати смотрят на него серьёзно, даже немного печально. И вдруг вспоминается предпоследний их разговор — тот, где он сам упомянул о предательстве...

Глупости! Разве не завершилось всё благополучно? Зачем она так? Обиделась? “Обычные женские заморочки...”

— Катя, я сделал много ошибок. Считаю меня полным идиотом... Только прости! Вместе мы сумеем всё исправить.

— Уже нет, — повторяет она чуть слышно.

“Да что ты заладила...” Он морщится:

— Пожалуйста, дай мне шанс!

— Шанс? — удивлённо приподнимает она брови.

— Потому что я тебя люблю!

— И я тоже, — задумчиво кивает она. — Я всегда буду любить тебя, Алёша...

— Тогда... В чём дело?! — он непонимающе встряхивает головой.

А на её губах — что-то вроде улыбки:

— Помнишь, ты рассказывал про белые корабли?

— Я болтал много чепухи... Просто дурацкая игра!

— Нет, мой юнга, всё иначе, — качает головой Катя. — Корабли уже здесь.

О чём это она? Хлуст растерянно оглядывается. Море играет солнечными бликами и дышит ароматом водорослей. Но синяя гладь пустынна — лишь у горизонта ползёт какой-то баркас.

— ...Они здесь. И не могут ждать!

— Катя, я не понимаю, — бормочет он почти обиженно. Вдруг замечает странные, наползающие сверху тени. Машинально поднимает голову. И разжимает объятия. Растерянно вскакивает с песка.

Так не бывает! Это похоже на кадр из детского наивного фильма. Но даже на расстоянии он ясно различает обшитые светлым металлом борта и кили, блестящие на солнце иллюминаторы, начищенные до сверкания стальные и медные снасти. Выше моря, ниже облаков. Трепещут и бьются на ветру паруса, сияющие, как снег.

— Корабли... — растерянно шепчет Хлуст. — Белые корабли...

Они идут по небу — лёгкие, как воздух, прекрасные, как сказка. Плавно замедляют ход высоко над пляжем “Отрада”. Огромными силуэтами застывают в воздухе... Это удивительно и волшебно. Только ему почему-то становится жутко.

А малышки, которые с запрокинутыми головами стояли по щиколотку в море, подходят ближе и вдруг начинают подниматься в воздух. Сначала неуверенно, потом всё быстрее, будто их надёжно держат невидимые ступени. Смеются, топают мокрыми пятками, разбрызгивая воду, и наперегонки взбегают к небу, навстречу белым парусам.

Немолодой рыбак на пирсе откладывает удочку, провожая их удивлённым взглядом. Медленно встаёт с раскладного стульчика, разминает затёкшие колени. Осторожно подходит к краю пирса... И делает шаг в пустоту. Нет, не падает, а с каждым новым шагом поднимается выше. Придерживая на голове нелепую мятую панаму, рыбак взбирается под облака не спеша, почти буднично. Ведь его уже ждут — там, у откинутого трапа... Хлуст молчит, нервно щурясь.

Что это угадывается над прибрежными скверами и посадками, над яркими кабинками фуникулёра? Всё ближе, отчётливей. Вереницы фигур идут вверх по воздуху — мужчины и женщины, пожилые и юные, старики и дети — от города к зависшим над бухтой белым кораблям.

Хлуст отворачивается, словно ему стало больно смотреть. Будто это не люди уходят к облакам, а он сам опускается в бездну. С надеждой спрашивает:

— Это ведь только сон, да?

Мираж, галлюцинация! Должно быть объяснение, от которого исчезнет муторная пустота в сердце. Но Катя продолжает смотреть куда-то над его головой:

— Знаешь, над нами всегда будет небо. Когда ты во сне летаешь, не верить в крылья нелепо...

Она кажется такой счастливой, что Хлуст вздрагивает, как от холода:

— Молчи! Пожалуйста, молчи...

Умоляюще вematривается в её лицо. И вдруг угадывает в её зрачках зыбкое отражение кораблей. Зажмуривается, чтоб не видеть. Тянется к Кате руками, чтоб удержаться рядом. Но ловит только пустоту... И морщась от боли в треснутых рёбрах, тяжело хватает ртом провонявший гарью воздух. “Что... Что такое?!” Моргает, влущиваясь в гул толпы за окнами. Ошалело оглядывается по сторонам и никак не может надышаться, словно здесь, в сумрачном, озарённом единственной лампочкой коридоре, ему не хватает кислорода.

Лишь со второго раза удаётся понять тревожный вопрос склонившегося над ним Лосяры:

— Эй, друг, ты в порядке?

Хлуст опять закрывает глаза, словно ещё надеется вернуться на пронизанный солнцем берег. И сухой ком подкатывает к горлу. “Да, если б вернуться...” Туда, где ничего не было!

Лосяра озабоченно хлопает его по щеке. Хлуст морщится, перехватывая ладонь побратима:

— Нормально. Просто дурацкий сон.

— Ты бледный очень. Тебе бы на свежий воздух!

— Да. Надо выбраться отсюда.

Лосяра протягивает ему открытую пластиковую бутылку с минералкой. Хлуст делает большой глоток. Ждёт, пока влага пройдёт внутрь и где-то там смешается с его загустелой кровью, которую сердце отчаянно пытается протолкнуть по артериям и венам.

— Идти можешь?

Он кивает в ответ. Лосяра помогает ему подняться с паркетного пола. Опираясь на его плечо, Хлуст ковывается по коридору. Голова кружится и ноги ватные. Но главное — покинуть этот обречённый дом.

Он оглядывается. Какие-то хлопцы в балаклавах тащат мимо компьютер и жидкокристаллический монитор — в качестве личного трофея? Раньше он бы возмущился. Но сейчас... Без разницы. Пусть волокут, что хотят, не ему следить за мародёрами. А того, что таскали через этот коридор совсем недавно, уже нет. Лишь красноватые потёки и следы на полу...

Не видно ни Ворона, ни команды Чуба — это хорошо. Может, удастся выскользнуть незамеченным? Исчезнуть, раствориться в вечернем воздухе. Словно всё было только бредом — жутким и нереальным.

Хлуст отворачивается. Лосяра сочувственно вздыхает:

— Круто он с тобой. Но ты сам прокололся. Нельзя было связываться с теми отморозками. Они у наставника — типа личные ликвидаторы, ещё с Майдана. Одна из таких команд...

— Ликвидаторы?

— А ты не знал? Это как на большой фабрике. — Лосяра криво усмехается. — Кому-то надо делать и самую грязную работу...

— Дай телефон! — торопливо перебивает его Хлуст.

Глупый сон ничего не значит. И тревога, холодным обручем сжимающая сердце, всего лишь нервы. Просто ему надо позвонить, обязательно ещё раз позвонить по номеру, который он помнит наизусть.

Лосяра протягивает ему “трубку”, и Хлуст торопливо, не попадая по цифрам на экране грязными, в запёкшейся крови пальцами, начинает набирать. Прикладывает смартфон к уху и, опираясь на плечо побратима, выходит из коридора на озарённую тусклыми лампочками лестницу. Ковывается вниз по ступеням, вслушиваясь в гудки динамика. Сердце начинает биться радостней — ведь уже не слышно привычного записанного голоса про недоступность абонента.

Только почему она не берёт трубку? “Пожалуйста, Катя! Ответь, наконец!” Здесь сильнее воняет дымом и горелым пластиком. Какие-то хлопцы с дубинами бегут навстречу. Хлуст цепенеет, но Лосяра отступает к стенке, и побратимы в балаклавах пробегают мимо, наверх.

“Скорее выбраться отсюда... Пока Ворон не отдал новых распоряжений...” Любой ценой оказаться подальше от этого проклятого Дома. От лестницы со следами крови, от запаха дыма и ещё чего-то муторного. Даже если была жесточкая логика в словах наставника, сейчас невозможно об этом думать.

“А лучше — скорее обо всём забыть!” Ведь это единственный способ не сойти с ума... Пошатываясь, Хлуст торопится вниз по затёртым каменным ступеням. В прижатом к уху динамике смартфона — по-прежнему монотонные гудки. Но в сущности, это ничего не значит. Мало ли почему Катя до сих пор не взяла трубку? Может, опять обиделась? Эти женские причуды... “Найдётся она... Обязательно найдётся!” Он почти в этом уверен.

И лишь на всякий случай ещё раз набирает номер, ещё один лестничный пролёт остаётся позади, когда словно что-то толкает его в сердце... Он замирает непонимающе. Оглядывается. Смотрит целую секунду. И тяжело оседает на грязную ступеньку.

— В чём дело? — тревожится Лосяра.

— Сейчас...

Нет, ему не показалось. Коричневыми от своей и чужой крови пальцами он тянется к серебристой проволочке, когда-то изящно выгнутой в виде английского слова. Осторожно, как бесценное сокровище, поднимает её с холодного камня. Буквы едва угадываются, наверное, раздавлены несколькими подошвами, скорее всего, случайно. Ведь десятки ног раньше уже здесь прошли или пробежали... Зато прикреплённые к буквам красно-белые плетёные шнурочки из проволоки остались неизменными. Слишком похожими на те, что охватывали тонкое запястье...

“Откуда — здесь?!” Хватая ртом воздух, Хлуст задирает рукав своей кофты. Точно такой же самодельный браслет сейчас на его руке — только плетёные шнурки зелёно-синие. И те же буквы. LOVE...

“Каждый раз, когда глянешь на него, вспомнишь обо мне...” А смартфон в его правой руке всё ещё прижат к уху. “Пожалуйста, возьми трубку! Пожалуйста...” Но лишь длинные гудки продолжают доноситься из динамика — равнодушные, как голос пустоты.

— Да что случилось-то? — недоумевает Лосяра.

— Нормально, — шепчет Хлуст, расширенными глазами всматриваясь куда-то в пространство, словно он опять пытается увидеть родной силуэт на таком далёком солнечном берегу.

Гудки в смартфоне умолкают. Он кладёт его прямо на ступеньку. Вскрикивает и, оттолкнув Лосяру, бросается по лестнице — на первый этаж, потом двумя пролётами ниже, ко входу в подвал. Шансов нет. И всё-таки он ухитряется ошеломить ударом в висок одного из хлопцев, охраняющих железную дверь, ухитряется вырвать “макаров” у того из подмышечной кобуры. За секунду до того, как властный голос раздаётся за спиной:

— Опустит пистолет, дурак!

Он замирает. Рука с “макаровым” чуть дрожит. А сердце бешено колотится, словно огонь сжигает его изнутри. Хлуст медленно оборачивается. Целую секунду они молча смотрят друг на друга. В зрачках наставника угадывается пустота — такая же, как звенела в длинных гудках смартфона. И всё-таки Хлуст хрипло умоляет:

— Мне... надо в подвал...

— Зачем, Олэкса? — пожимает плечами Ворон. И будто не видит раздавленный браслет с буквами “LOVE” на левой его раскрытой ладони.

— Прикажите... пожалуйста!

— Не сходи с ума. Её там нет.

Какие-то вопли доносятся с верхних этажей, и странные отрывистые звуки угадываются из-за стальной двери. Но вокруг Хлуста сейчас гулкое безмолвие, в котором тысячекратным эхом отражаются слова наставника.

— Уже нет? — шепчет Хлуст мёртвеющими губами, будто сам превращаясь в бессильное эхо.

Он окидывает лихорадочным взглядом побратимов — все в балаклавах, видны только глаза. И невозможно понять, есть ли среди них кто-то из команды Чуба. Все одинаковые, как патроны в обойме. А в зрачках чернеет та же пустота, что и у Ворона. Та же холодная определённости...

И Хлуст качает головой.

— Я хочу увидеть, — выдавливает, не узнавая своего голоса.

— В этом нет смысла, — морщится наставник.

И, наверное, он прав, как обычно. Только Хлуст всё равно бросается к стальной двери, покрытой светло-коричневой облезающей краской. Он знает: если сумеет войти — оттуда уже не будет возврата. Но ему без разницы.

Он успевает выстрелить два раза — не убил, только ранил, — успевает ударить одного из охранников двери рукояткой в челюсть, прежде чем сразу двое намертво перехватывают руку с пистолетом, а ещё несколько, теснясь в закутке перед входом подвал, сбивают его с ног и наваливаются сверху, прижимая к холодному кафельному полу. Ворон опускается рядом на корточки:

— Ты устал, Олэкса, — слишком много для первого раза. И плевать, что там тебе померещилось — здесь нет твоих врагов...

Пистолет выдирают, едва не сломав скрюченные пальцы.

— Лосяра, отвези-ка ты его в больничку.

Подхватив за руки, двое волокут Хлуста к выходу.

— Стойте, — бормочет он, как в бреду. — Я потерял... Потерял!

Наверное, выронил в драке. Только конвоирам плевать на его болтовню. И пока его тащат, Хлуст изо всех сил пытается оглянуться, словно не растоптанный браслет мечтает увидеть там, позади, а хоть какой-то знак. Что-то, дающее надежду.

— Катя, — не зовёт, а силло почти умоляет он. Будто она, правда, может услышать и вдруг ярким миражом возникнуть из полумрака. — Катя!

Но голос тонет в рёве толпы. Свист и ликующие вопли разносятся над площадью. Кажется, ещё один “сепар” выпрыгнул со второго этажа, и сейчас его добивают палками. Всё сильнее становится запах дыма. Всё гуще сумерки — они, как могильная плита, надвигаются на город. Ветерок больше не шевелит листву, и жёлто-голубые флаги в вечерних тенях обвисают, как грязные тряпки, а красно-чёрные похожи на траурные полотнища, залитые кровью.

— У-кра-и-на! — выдыхают молодые глотки. И бешеная радость угадывается в зрачках, ведь это “вставляет” сильнее, чем тройная доза “кислоты”, когда, чтоб ощутить себя победителем, надо лишь ударить бейсбольной битой. Вот так! Словно весь “ватный”, осыпанный “колорадскими” ленточками Юго-Восток беспомощно корчится у их ног и хрипит в агонии, пуская красные пузыри.

Добить! Отомстить за все унижения, через которые им пришлось пройти этой весной, когда местные пинками гоняли их по городам, плевали в испуганные рожи и топтали флаги Державы и Движения.

Бей! Сильнее! Ещё! И с каждым новым ударом накатывающая эйфория растворяет отдельные сознания в общем порыве, как куски сахара в кипятке. Нет больше Грыця из Львова, Серёги из Днепра, Сашка из Харькова — обычных пацанов с городских окраин. Не очень умных, не слишком удачливых, но всё-таки не знавших раньше, с каким весёлым хрустом можно расколоть человеческий череп, как здорово танцевать на грудной клетке, перемальвая рёбра подошвами.

Вместо лиц — хохочущие, ревущие пасти. Вместо собранных со всей Украины хлопцев — тысячеглавый дракон. Не ведающий сомнений, не знающий жалости.

— ...по-над усэ! — раскатисто грохочет он над площадью. И в ответ на истеричный вопль сотника-заводилы: “Слава нации!” — ревёт в тысячи глоток:

— Смэрть врагам!

Мелькают окровавленные палки. И вырвавшиеся из горящего дома, полуживые люди кричат от боли, падают под градом ударов, один за другим теряя сознание. Но их продолжают бить — пока красные брызги не начинают разлетаться вокруг изувеченных тел.

А из дома уже ведут новых приговорённых.

— Не надо, нет! — отчаянно шепчет Хлуст, запрокидывая голову к небу. Но там, вверху, некому услышать молитву. Лишь чёрная стая кружит над площадью, иногда опускаясь от вершин деревьев к головам побратимов. И Хлусту чудится: он узнал ту самую птицу, которая летела за ним сегодня утром, а теперь, наконец, настигла.

— Вороньё, — умоляюще хрипит он. — Прогоните вороньё!

Один из конвоиров изумлённо таращится вверх. Шагающий рядом Лосяра сочувственно вздыхает:

— Нет никаких птиц, дружище... Тебе это только кажется.